

Д. В. Брусницына

**КРЕСТЬЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО
ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА
(1649—1666):
НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ГОДЫ
СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЫ**

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2016

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Д. В. Брусницына

**КРЕСТЬЯНСКОЕ СООБЩЕСТВО
ОЛОНЕЦКОГО УЕЗДА (1649—1666):
НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ГОДЫ СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЫ**

Научное электронное издание

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2016

УДК 94(470.22)''16''
ББК 63.3(2Р31-6Кар)
Б892

Научный редактор

Ирина Александровна Чернякова,
*ведущий научный сотрудник УНИ ПетрГУ,
доцент Российской истории в Университете Восточной Финляндии*

Рецензенты:

Адриан Александрович Селин,
доктор исторических наук;

Евгения Дмитриевна Сулова,
кандидат исторических наук

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Минобрнауки России в рамках проектной части государственного
задания в сфере научной деятельности, № 33.1162.2014/К.

Издается в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

© Брусницына Д. В., 2016

© Петрозаводский государственный
университет, 2016

ISBN 978-5-8021-2893-0

О ГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4—9
Глава 1. Взаимоотношения с «начальными людьми» иноземными и русскими	10—34
Глава 2. Отправка на службу и бегство солдат	35—57
Глава 3. Оформление поручных записей	58—72
Глава 4. Наймиты — новый социальный феномен в олонецкой деревне	73—85
Глава 5. Имущественные споры в крестьянском сообществе	86—89
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	90—92
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	93—111

ВВЕДЕНИЕ

Любые реформы в государстве и отношении общества к изменениям, привнесённым в жизнь этими реформами, — всегда актуальная и интересная тема для исследования. В настоящей монографии затрагивается важная проблема: привлечение к солдатской службе в рамках общероссийских преобразований в военной сфере середины XVII в. черносошного населения Олонецкого уезда. Цель реформы заключалась, во-первых, в укреплении русско-шведской границы, во-вторых, в уменьшении затрат на содержание армии, так как набранные из крестьян солдаты жалованья не получали, а должны были содержать себя и свои семьи, продолжая вести своё хозяйство. При этом они были освобождены от уплаты основных налогов. Олонецких пашенных солдат* обещали использовать только для охраны границы, то есть службы в пограничных острожках, и не отправлять на дальние театры военных действий.

* Термин «пашенные солдаты» в отношении крестьян Заонежских и Лопских погостов, записанных в 1649 г. в солдатскую службу, впервые введён М. А. Островской [139; 83].

Первоначально такое предложение даже многим крестьянам показалось выгодным, так как за службу вблизи от дома им было обещано освобождение от налогов. Однако в ходе реализации этой реформы их жизнь так кардинально изменилась, что недовольство новыми обстоятельствами и новыми обязанностями начало проявляться уже вскоре после создания поселённых полков*. Начавшиеся войны с Речью Посполитой и Швецией, к участию в которых в нарушение обещания привлекли олонецких пашенных солдат, усугубили и обострили их недовольство, привели к массовому бегству.

Ввиду того что от реакции населения на проводимые реформы зачастую зависит успех или провал проводимых преобразований, очень важно изучить жизнь карельских крестьян в годы их привлечения к военной службе и те новые социально-бытовые явления, которые возникли в Олонецком уезде в это время.

Военному делу пашенных солдат обучали иноземные офицеры. Прибытие в 1649 г. 104 иноземцев и их расселение по Заонежским и Лопским погостам стало первым новым явлением, с которым столкнулись местные жители. Правовой статус иноземцев и отношение к ним в России издавна интересуют историков. В частности, П. О. Бобровский особо подчёркивал, что иноземцев «не любили, им не доверяли, но при этом не могли от них устраниться, так как осознавали их превосходство в ратном деле, заимствуя у них военные знания и навыки» [115; 73].

Пребывание зарубежных офицеров на службе в России изучается и в современной литературе. А. С. Рыжков исследовал проблему конфликтов крестьян Олонецкого уезда с чуждыми им по культуре, вероисповеданию и языку иноземными военнослужащими в 1649—1651 гг., изучил отношение к солдатской службе населения Лопских погостов в 1657 г. [140], [141].

Следует отметить исследования С. П. Орленко и Т. А. Опариной. Оба автора рассматривали царский указ 1652 г. о запрете русским людям работать на иноземцев и жить у них во дворах. В связи с этим историки уделили внимание взаимоотношениям пашенных

* В 1649 г. из числа записанных в солдаты крестьян было сформировано два полка — А. Гамильтона и М. Кармихеля.

солдат с их иноземными командирами, вопросу о принятии выходцами из-за рубежа православия и влиянии этого факта на их карьеру [137], [138].

А. В. Малов проанализировал случай бунта олонецких пашенных солдат против казни двух их товарищей, когда полк находился в Пскове, и пришёл к выводу: солдаты считали недопустимым вынесение смертного приговора иноземным полковником [130; 122—123]. О. Г. Усенко полагает, что отношение к «немцам» в России в XVII в. по меркам той эпохи было в целом толерантным [150; 403]. Опровергая мнение о плохой подготовке офицерского состава полков «нового строя», который «в массе своей справлялся со всем кругом возложенных на него задач» [127; 196], О. А. Курбатов отметил низкое качество подготовки некоторых прибывших в Россию из-за рубежа военных, получивших в русской армии офицерские чины [128].

Обучение крестьян Олонецкого уезда солдатскому и драгунскому строю было сопряжено для них со значительными трудностями: много времени им приходилось тратить не только на военные учения, но и на дорогу до места, где они проводились. Этого времени им не хватало для занятия крестьянским трудом, которым они должны были обеспечивать себе и своим семьям средства к существованию. Этим обусловлен быстрый рост недовольства местных жителей внедрением в их жизнь военного строя. Недовольство привело не только к конфликтам с их командирами, но также к бегству из своих родных деревень в другие города и уезды. С началом войны с Речью Посполитой, когда пашенных солдат в нарушение обещания стали отправлять в действующую армию, дезертирство солдат приобрело массовый характер. Центральной и уездной властям приходилось на протяжении всех военных лет решать эту проблему. Принимавшиеся меры имели цель не только наказать за нарушение воинской дисциплины, но и предупредить само явление.

Организация отправки пашенных солдат на театры военных действий и способы борьбы с бегством, к которым прибегали центральные и уездные власти, тоже не были исследованы. Хотя проблема найма солдат и бегства наймитов поставлена в историогра-

фии, процедура заключения договоров найма и условия, в них содержавшиеся, изучены не были. Повседневная жизнь пашенных солдат, их взаимоотношения с иноземными и русскими офицерами и другими должностными лицами, а также новые социальные явления и бытовые конфликты, возникавшие в конкретных ситуациях «прибора» или освобождения от службы, длительного отсутствия мужчин дома, наделения земельными участками для обеспечения службы — все эти вопросы недостаточно изучены и требуют исследования и осмысления для адекватного представления о карельском крестьянстве в годы привлечения к военной службе в пашенных солдатах.

Источниковую базу нашего исследования составили опубликованные документы и архивные материалы: акты (законодательные и приказного делопроизводства), переписные книги, сметные списки доходов и расходов Олонецкого уезда.

Неопубликованный актовый материал выявлен в фондах Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (далее Архив СПбИИ РАН) и Российского государственного архива древних актов (далее РГАДА). По документам, хранящимся в РГАДА в фондах 141 «Приказные дела старых лет» и 210 «Разрядный приказ», изучен командный состав олонецких полков (иноземные и русские «начальные люди»), положение пашенных солдат в годы русско-польской и русско-шведской войн (1654—1667, 1656—1658). В фонде 98 «Олонецкая воеводская изба» (Архив СПбИИ РАН)* содержится разнообразный актовый материал: челобитные местных жителей, адресованные олонецким воеводам с жалобами или просьбами по разным вопросам; дела о розыске и отправке пашенных солдат на театры военных действий (памяти олонецких воевод солдатским «сыщикам» и «высылщикам», а также командирам (полковникам, подполковникам, майорам, капитанам); поименные росписи солдат за разные годы (отправ-

* Акты Олонецкой воеводской избы были доступны автору в Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК), действующей в Петрозаводском государственном университете под руководством канд. ист. наук., доцента И. А. Черняковой, где в рамках международного четырёхстороннего соглашения TERP (Teaching-Editing-Research Project) готовятся к опубликованию средствами Интернета.

ленных на службу, сбежавших, погибших), в том числе с пометами о замене некоторых солдат наймитами; поручные записи. По актовым материалам того же фонда исследованы проблемы адаптации иноземных офицеров в местном крестьянском сообществе в 1649—1652 гг., в том числе вопросы взаимоотношений иноземцев с солдатами. Сведения о поведении некоторых беглых солдат, пытавшихся укрыться за рубежом — на территории Шведского королевства, содержатся в «Коллекции актовых книг Археографической комиссии» (Архив СПбИИ РАН) [100].

В сметных списках доходов и расходов Олонецкого уезда за 1649/50—1666/67 годы, хранящихся в фонде 137 «Боярские и городовые книги» (РГАДА) [101], [102], [103], [104], также обнаружены сведения о командном составе полков пашенных солдат.

В исследовании привлечены три неопубликованные переписные книги, показывающие три временных среза (1646, 1657 и 1678 гг.) [113], [105], [114]. Для настоящей работы в переписных книгах важны имена, возраст, местожительство пашенных солдат и их родственников. Три книги являются традиционными переписями, осуществлёнными государством для учёта налогоплательщиков: перепись 1646 г. отражает демографическую ситуацию в Заонежских погостах накануне введения службы пашенных солдат, перепись 1678 г. — ситуацию в Заонежских и Лопских погостах спустя 12 лет после её отмены. Наибольшую важность среди переписных книг для нашего исследования имеет объёмный документ, составленный в 1657 г. И. С. Дивовым. Это единственный, сохранившийся до наших дней полный перечень имён пашенных солдат Олонецкого уезда, включая тех, кто уже умер или погиб на службе, на 1657 г.

В ходе исследования на основе компьютерной программы FileMaker Pro были разработаны две электронные базы данных. Первая, составленная по переписным книгам И. С. Дивова 1657 г., содержит более 19 000 имён пашенных солдат, их родственников и «охудалых» крестьян, внесённых в карточки, организованные по населённым пунктам; вторая — просопографическая — создана на основе информации сразу из нескольких разновременных источников: переписных книг 1646, 1657 и 1678 гг. и актовой до-

кументации за 1640—1670-е гг. В ней предусмотрены поля для фиксации сведений о жителях Олонецкого уезда, факты биографий которых важны для составления полного представления об институте пашенных солдат. В данной базе карточки организованы по отдельным лицам. Накопление персонифицированной информации создало потенциал наиболее глубокого проникновения в реалии повседневности локального крестьянского сообщества.

Глава 1

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С «НАЧАЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ» ИНОЗЕМНЫМИ И РУССКИМИ

Служба крестьян Заонежских и Лопских погостов в полках пашенных солдат с 1649 по 1666 г. оказала огромное воздействие на повседневную жизнь всех черносошных крестьян и бобылей этого приграничного региона, так как в рядах солдат за восемнадцать лет побывали практически все мужчины этих социальных категорий, годные к несению солдатской службы.

Атмосфера жизни в Заонежских и Лопских погостах в этот период была такова: крестьянский труд по необходимости совмещался с военной муштрой, привычное общение членов крестьянского мира между собой дополнялось общением с пришлыми, чуждыми местным жителям по языку, культуре, вероисповеданию иноземными офицерами, а в среде членов крестьянского мира возникло множество ситуаций и конфликтов, которые имели корни именно в существовавшей солдатской службе, по вопросам как собственно несения службы, так и о владении землей и другим имуществом.

Ввиду того, что для жителей Заонежских и Лопских погостов первым новым явлением, с которым они столкнулись, был приезд в погосты иноземных офицеров, начнём с рассмотрения того, как складывались взаимоотношения прибывших иноземцев с подчинёнными солдатами и прочим местным населением. Кем были зарубежные офицеры, которые приехали в Заонежские погосты для обучения пашенных солдат, как складывались их взаимоотношения с местными крестьянами, какими были их нравственный облик, семейное и материальное положение, вероисповедание, когда в олонецких полках пашенных солдат появились русские «начальные люди» и сколько их было — все эти вопросы в историографии мало изучены.

Первоначально все направленные на службу в Заонежские погосты начальные люди были иноземного происхождения: в 1649 г. в Заонежские погосты для обучения крестьян солдатскому строю приехали 104 иноземца. Ввиду того, что вскоре ряды «начальных людей» олонецких полков пашенных солдат начали пополняться русскими военными служащими, рассмотрим также вопрос о соотношении иноземных и русских «начальных людей» в этих полках и выясним, большое ли значение имела для пашенных солдат национальная и конфессиональная принадлежность их командиров.

На основании изученных актовых материалов из фонда «Приказные дела старых лет» (РГАДА) мы выяснили, что у местного населения, несомненно, были причины для недовольства моральным обликом иноземных офицеров. Склонность некоторых иноземцев из полка А. Гамильтона, направленных на службу в Заонежские погосты, к злоупотреблению своим служебным положением проявилась уже по пути из Москвы к месту назначения. Точная дата их выезда из Москвы неизвестна, однако можно утверждать, что произошло это в конце февраля — начале марта 1649 г. По крайней мере, 22—23 февраля несколькими царскими грамотами было предписано отпустить с «начальными людьми» полков А. Гамильтона и М. Кармихеля из Москвы различное вооружение, барабаны и знамёна [106; 5—8]. Чуть позже — 4 марта — был издан указ, предписывавший воеводам и приказным людям разных городов полковников А. Гамильтона и М. Кармихеля

с их людьми везде пропускать и под вооружение, которое они везли, давать подводы «безо всякого мотчанья» [106; 73]. Другая грамота от того же числа сообщала воеводе Великому Новгороду Фёдору Хилкову, что иноземные офицеры уже посланы в Новгородский уезд вместе с воеводами Фёдором Волконским и Степаном Елагиным, а с ними вооружение для солдатских полков. Что касается Волконского и Елагина, то они, вероятно, вместе с иноземцами всё-таки не ехали, так как прибыли в Заонежские погосты порознь и намного раньше большинства военных: Волконский прибыл 24 марта, Елагин — 31 марта 1649 г. [106; 149—150]. На день раньше Елагина — 30 марта — приехал полковник А. Гамильтон «да с ним ево полку пять человек немец» [106; 150; 181]. Из более поздних документов известно, что Гамильтон прибыл к месту службы с женою и детьми [107; 258]. Вполне возможно, что и ехал он вместе со своей семьёй, отдельно от большинства «начальных людей».

Зато подчинённые полковника А. Гамильтона, ехавшие следом за своим начальником с вооружением и прибывшие в Заонежские погосты только в мае 1649 г., в пути проявили себя не с лучшей стороны. В РГАДА хранятся челобитные ямщиков вышневолоцкого и зимнегорского ямов, архимандрита Спасского Хутынского монастыря Варлама и даже иноземцев полка М. Кармихеля с жалобами на разбойные действия «немцев» Христофора Трейдена, Ирика Андерсона и поручика Вильяма [106; 130—133]. Архимандрит жаловался на обиды, причинённые иноземцами людям в монастырской вотчине, пострадавшие ямщики и других чинов люди обвиняли иноземцев в избиении, насилии, грабеже, мучении и вымогательстве, а «начальные люди» полка М. Кармихеля — в разорении местности, из-за чего прибывшие в Вышний Волочек следом за подчинёнными А. Гамильтона иноземцы полка М. Кармихеля не смогли собрать нужное количество подвод, так как не нашли там никого, кто мог бы их дать: местность была разорена, а все крестьяне разбежались [106; 122—123].

Дело дошло даже до митрополита Никона, проезжавшего как раз в то самое время из Москвы в Новгород. Когда митрополит прибыл в Вышний Волочек, к нему с жалобами обратились вышнево-

лоцкие и зимнегорские ямщики и всяких чинов люди, а также иноземцы полка М. Кармихеля майор Томас Бейли с товарищами с просьбой послать челобитную «государю к Москве». Обо всём этом митрополит сообщил царю в своей челобитной, в том числе так передавая случившееся и жалобу ямщиков: «Да мне ж богомольцу твоему извещали дорогою едучи к Великому Новгороду ямщики Вышневолоцкие и Зимние горы и всяких чинов люди на него ж Ирика с товарищи, что он едучи с Москвы к Великому Новгороду по ямом у них у ямщиков подводы имали и по сторонам деревням, объезжая верст за пятнатцать и за дватцать у крестьян и у всяких чинов людей тоже подводы имали и те подводы к ним приводили и их отпускали, а за те подводы имали себе деньги, а их крестьян и их жен и детей тож били и мучили и в клетках ходили и животишка их грабежем имали и всякую домовую с посуду ломали и вотчины Футьня монастыря слугу Ивашка Фофонова, взвесив к грядке*, били и мучили и денег пять рублей мукою у него взяли и тебе б, государь, про то было ведомо» [106; 121]. Кроме того, митрополит обсуждал эту проблему с новгородским воеводой Ф. Хилковым и дьяком С. Завесиным, которым в съезжей избе также были поданы челобитные ямщиков и архимандрита Варлама.

Для выяснения обстоятельств дела воевода и дьяк опросили всех ямщиков, и тех, которые подавали жалобы на иноземцев, и тех, которые могли быть свидетелями произошедшего. В результате география опрошенных свидетелей получилась довольно широкая: ямщики упомянутых вышневолоцкого и зимнегорского ямов, а также можайские, тверские, ржевские, старицкие, городецкие и бежецкие ямщики [106; 109—115]. Вот фрагмент записи расспрошенных речей с жалобой ямщиков на иноземных офицеров: «оне из житниц овес и всякой хлеб и муку и платье грабили и били и ворота ломали и окна секли, и которые-де подводы им даны были московских городов и уездов и те-де подводы, взяв себе у проводников скупь, назад отпускали, а в то число подводы правили на них охотниках» [106; 109]. Из челобитной охотников вышневолоцкого яма Петрушки Кирилова и других следовало, что «немцы»

* *Грядка* — 1. Гряда; 2. Шест, жердь, перекладина; 3. Доска, перекладина, куда складывали или вешали одежду [157; 149].

для получения подвод применяли методы правежа, в результате которого, писали охотники: «мы сироты в тех немерных подводах на правеже перебиты и перемучены и вконец погибли» [106; 131]. Охотники зимнегорского яма в двух челобитных сообщили о ещё больших злоупотреблениях иноземных офицеров. Староста Трофимка Иевлев и другие извещали следующее: «в нынешнем во 157 году на Стршной недели в понедельник, приехав на зимнегорской ям, тово Александрова полку Гамолтина тот маер с товарищи нас сирот твоих били и мучили и женишек наших позорили и домишка наши разорили и животишка наши все пограбили и женишко, государь, наши и детишка со страху разбежались по лесу и перезябли» [106; 132].

Из челобитной других охотников зимнегорского яма Степашки Офромеева с товарищами узнаём дополнительные подробности: «В том в нынешнем государь во 157 году в Великий пост на Страшной неделе в понедельник приехал к нам на зимнегорской ям тот маюр с проводниками и почал на нас на сиротах без твоево государева указу своим изволеньем подводы править и бить почал нас без милости, а нам сиротам поставити было подвод никово, что вси лошади были в розгонах, и он маюр почал нас сирот без милости губить смертным боем, и мы сироты не перетерпя ево смертново бою вси разбежались, и он маюр без нас женишок наших и детишок с проводниками убил и обезвечил насмерть, и переграбил до нага, и серги, и кресты, и шапки з голов и клетишка наши розломал, и у клетишок наших двери высекал, и колоды велил выбивать, и замки обухами збивал, и животишка наши велел проводникам грабить, шубы и кафтаны, и полотна, и рубахи, и скатерти, и сукна и вси наши животишка без остатков и тот всяково живота поимал... на сорок на пять рублей с полтиною да овса по ево веленю проводники ж грабили и с клетей шестьдесят две четверти с осминою» [106; 133]. Произошли эти события, судя по документам, не позднее 19 марта 1649 г., по пути иноземных военных в Новгород [106; 122—123]. В Заонежские же погосты они приехали только в мае 1649 г. [106; 308].

В ответ на жалобы пострадавших в государевой грамоте от 8 апреля 1649 г. было велено иноземцам, «которые дорогою едучи граби-

ли и всякое дурно чинили и маеру Ирику выговорить, то они делали негораздо и за то было довелись жестоково наказанья». Однако далее было добавлено, что государь пожаловал и велел их вину «им отдать», главное, чтобы впредь они так не делали и «заонежским салдатом налоги никакие не чинили и ничем их не оскорбляли и ничего с них не имали», а учили бы «солдатскому строю с радением и никаких насильств им не чинили» [106; 121об., 124—126].

Таким образом, несмотря на то, что иноземные офицеры «дурно» проявили себя на территории России в отношении русских крестьян, тем не менее, главная цель их приглашения на службу — обучение крестьян Заонежских погостов западноевропейским военным знаниям и умениям, а также их ценность как специалистов в области военного дела — всё это было более приоритетно в представлении центральной власти. В результате вина иноземцев была «отпущена» без какого бы то ни было наказания, с единственной оговоркой: подобные поступки не должны были повториться, а заонежских солдат иноземцы обязывались учить с радением и никаких «насильств» им не чинить. Это требование, конечно, не могло быть выполнено безупречно хотя бы потому, что крестьяне воспринимали саму солдатскую службу и военные учения как неприятную обязанность, к которой их принуждали, в том числе силовыми методами. Ниже будет показано, что отношения «начальных людей», причём не только иноземных, но и русских, с олонецкими пашенными солдатами будут складываться сложно: в источниках зафиксированы факты злоупотреблений служебным положением, грабежей и насильств.

Приехав на место службы в 1649 г., иноземцы были расквартированы по населённым пунктам, в основном центрам погостов и волостей, некоторые из которых находились «от Олонца по 500 и 600 и 700 верст и больше». Об этом, а также о том, что «в погостах двор от двора по полуверсте, по версте и больше», офицеры писали в своих челобитных [107; 35], вероятно подчёркивая, в каких сложных условиях им приходилось жить и осуществлять обучение солдат. За постой в крестьянских избах иноземцы давали определённую плату хозяевам жилья, однако крестьянская община должна была компенсировать им денежные средства, потраченные и на

оплату постоя, и на ремонт предоставленных старых дворов, и на постройку новых [20], [28], [31], [35], [36], [39], [41], [42]. Полковникам А. Гамильтону и М. Кармихелю их расходы на постройку двора «своими деньгами» были компенсированы в 1653 г. из олонецких таможенных доходов: А. Гамильтону постройка двора обошлась в 40 рублей, а М. Кармихелю — в 112 рублей с половиною [107; 256—262]. Некоторые иноземцы привозили с собой в Олонецкий уезд свои семьи: жён и детей, а также слуг. Известно, что жену и детей привезли с собой полковник А. Гамильтон и майор И. Андерсон [107; 258—260], [39]. Майор также привёз слуг. Семьи некоторых иноземцев оставались в Москве, куда они иногда, как выясняется по их челобитьям, ездили проведать своих домашних [25], [26].

Иноземцев поселяли в определённый крестьянский двор, как правило, на один год, и по истечении установленного срока переводили в другой. Для каждого из них такая практика была связана со значительными неудобствами по организации переезда, обустройству в новом дворе и влекла дополнительные затраты. Тем не менее постепенно, по-видимому, проблема с расселением иноземцев была или решена, или исчезла необходимость в ее решении, так как после 1651 г. в фонде Олонецкой воеводской избы нет документов, которые касались бы разбирательств по поводу проживания в погостах иноземных офицеров.

Можно предположить, что с началом русско-польской войны проблема с размещением иноземных офицеров в Олонецком уезде стала меньше ощущаться по причине их отправки на театр боевых действий. В 1654 г. воевода В. А. Чоглоков сообщал в Москву, что оставшихся в уезде солдат «учить нечем и некому», так как всё вооружение увезено и все «начальные люди» отправлены на войну [107; 627—628]. Таким образом, вероятно, был период, когда в Олонецком погосте иноземцев не оставалось вовсе. Неясным остается вопрос, что стало с семьями и слугами тех иноземных офицеров, которые привезли их с собой в Олонецкий уезд. В изученных нами источниках нет никаких сведений о взаимоотношениях местных крестьян ни с теми, ни с другими. Возможно, обе стороны старались избегать контактов. Также нет данных о том, были ли семьи иноземцев вывезены из Олонецкого уезда в 1654 г.,

когда все начальные люди отправились на войну с Польшей. Скорее всего, нет, так как есть данные о продолжении пребывания полков Вальтера Кармихеля и Томаса Крафтерта в Олонецком уезде в 1656—1659 гг., а также полков Томаса Гейса и Ягана Трейдена в 1660-е гг. [111; 138—148, 168, 605—606]. Однако жалобы на расселение начальных людей по крестьянским дворам более не встречаются в источниках. Вероятно, для всех офицеров и урядников были к тому времени построены отдельные дворы или предоставлены старые из пустовавших.

Что касается жалоб «начальных людей» на непослушание солдат, их также обнаруживается немало. Так, когда с января 1651 г. солдатам было вменено в обязанность изготавливать фитили из своего льна и ковать пики [37], [107; 23—26], они начали бунтовать против несения солдатской службы. В марте 1651 г. А. Гамильтон подал челобитную с жалобой на солдат, которые отказывались не только делать фитили и ковать пики, но даже ходить на учения. Полковник сообщал, что в погостах есть некоторые люди, которые «подговаривают» солдат к непослушанию «начальным людям» и неисполнению их приказов. Также он упрекал солдат в самовольных выездах на ярмарки, в то время как они должны были все быть по домам, делать фитили, пики и быть готовыми к службе «со всяким запасом» [38].

Спустя год, в 1652 г., А. Гамильтон снова жаловался на солдат. Однако на этот раз причину непослушания полковник усмотрел в царском указе, запрещавшем русским людям работать на иностранцев и жить у них во дворах. В челобитной на имя царя он сообщал: «В нынешнем 1652 году пришла в Олонец грамота, что русским людям у нас жить не велено и на дворы к нам ходить не велено ж, что мы-де иноземцы неверные и не крещены, и уведав то, солдаты нас холопей твоих не почитают и не слушают, и на ученье и с ученья ходят самовольно, и нас называют неверными и некрещеными, и от того их огурства твоей государеве службе в ратном строе чинитца поруха, которое ученье выучили и то в том своем огурстве перезабудут» [107; 63], [137; 289]. Таким образом, неоднозначное отношение к иностранцам самой власти вносило неясность в их взаимоотношения с русскими людьми, и несмотря

на царское повеление солдатам, «чтоб они на ученье салдатцкого строю ходили и были в том ученье у начальных людей в послушаньи, а их ничем не бесчестили» [107; 64—66], проблема негативного отношения пашенных солдат к службе под началом иноземных офицеров сохранялась.

В 1652 г. полковник М. Кармихель тоже жаловался на крестьян и солдат, которые, по его словам, «начальных людей ненавидят» [107; 56—57]. После того как в 1653 г. по царскому указу «начальные люди» были разосланы и по выставочным волостям для того, чтобы солдатам не надо было ходить на учения в погосты, воеводе Чоглокову снова поступила жалоба от полковника на то, что солдаты в этих волостях: «в ученье не ходят и их (начальных людей. — Д. Б.) бранят и бьют» [107; 356].

Проблеме адаптации иноземных офицеров в крестьянском сообществе Заонежских погостов посвятил статью А. С. Рыжков [140]. Исследователь проанализировал, как складывались взаимоотношения местных крестьян и чуждых им по культуре, вероисповеданию и языку иноземных офицеров. Он обозначил проблему бытовых конфликтов крестьян с офицерами, поселёнными к ним в избы, и связанные с этим неудобства для обеих сторон. Рассматривая вопросы размещения иноземцев, автор указал, что несмотря на предписание старостам отводить для проживания иностранных офицеров новые дворы, до начала 1651 г. этот вопрос так и не был окончательно урегулирован: отведенные иноземцам дворы часто оказывались непригодными для проживания, а местные власти отказывались нести издержки на строительство новых или хотя бы компенсировать расходы на ремонт старых построек. Исследователь привёл цитату из челобитной полковника М. Кармихеля, в которой тот описал свои жилищные условия: «жить стало невозможно, потому что хоромы все трухлявы, летом в ненасные дни везде каплет, а в зимнее время жить холодно, и все, государь, служивое рухлядишко и запасишко от мочи гнеет» [140]. А. С. Рыжков подчеркнул, что с подобными проблемами сталкивались практически все офицеры, прибывшие на службу в Заонежские и Лопские погосты.

Следует отметить, что сведения статьи нуждаются в значительных дополнениях в связи с тем, что работа А. С. Рыжкова находилась на начальной стадии, как сообщил об этом сам автор. Им были изучены документы только за 1649—1651 гг. и только из фонда Олонецкой воеводской избы. При этом на основании изученных источников за этот период автор ничего не написал об установленном сроке проживания иноземцев в крестьянских дворах, об имевшем место найме иноземными офицерами дворов за свой счёт и не привёл ни одного случая благополучного разрешения проблемы с предоставлением жилья иноземцам.

На основании анализа актов в настоящей работе рассмотрены вопросы взаимоотношений (бытовых и служебных) иноземных офицеров с местным населением, подчинёнными солдатами и уездной администрацией в лице олонецкого воеводы. Бытовые взаимоотношения связаны, в первую очередь, с расселением офицеров по крестьянским дворам и возникавшими в результате конфликтами, доходившими не только до словесных оскорблений, но и до нанесения телесных повреждений. Причина бытовых конфликтов могла заключаться и просто в неприязни местных жителей к иноземцам. В таких случаях конфликт мог возникнуть при встрече на улице или в чьём-либо доме. Круг вопросов о служебных взаимоотношениях включает жалобы солдат и начальных людей друг на друга. Солдаты жаловались в основном на режим учений, из-за которого им приходилось отрываться от своих крестьянских занятий, и на требования офицеров являться на смотры в центры погостов или волостей, до которых жителям многих деревень было очень долго и неудобно добираться. «Начальные люди», в свою очередь, жаловались на отказ солдат подчиняться их приказам, на неявку на учения, оскорбления, угрозы расправы.

За период с 1649 по 1651 г. в фонде Олонецкой воеводской избы выявлено около тридцати дел, касающихся бытовых и служебных взаимоотношений пашенных солдат и иноземных офицеров. В последующие годы среди актов не встречается жалоб местного населения на «начальных людей» в связи с их расселением по погостам или в связи с режимом учений и смотров. Со стороны иноземных офицеров жалобы на поведение пашенных солдат после

1651 г. подавали несколько раз полковники А. Гамильтон и М. Кармихель. В период русско-польской войны (1654—1667) пашенные солдаты и крестьяне вновь стали подавать много челобитных с жалобами на «начальных людей», солдатских сыщиков и высылщиков, но связаны были эти жалобы уже с вопросами отправки пашенных солдат и их родственников на театр боевых действий. Солдаты и крестьяне обвиняли сыщиков и высылщиков, одна часть которых являлась «начальными людьми», другая — разными должностными лицами (новокрещенами, подьячими, дьячками, посадскими, пушкарями, стрельцами), в злоупотреблениях служебным положением, вымогательствах, укрывательстве за «посулы» одних солдат и призыве тех, кто не был обязан служить по возрасту или состоянию здоровья или потому, что кто-то из этой семьи уже находился на войне. «Начальные люди» в этот период жаловались в основном на массовое бегство пашенных солдат со службы.

Изучение документов, составленных дворянином Сергеем Андронниковичем Малово в ходе осуществленного им в 1658 г. в Олонецком уезде расследования, показало, что иноземные и русские военнослужащие наряду с другими должностными лицами совершили в отношении олонецких пашенных солдат немало проступков и преступлений: собирали с солдат деньги на свои нужды, а также еду, вино, объясняя при этом, что принимают всё это себе «в почесть», брали «посулы» за отсрочку от высылки на службу (деньги, шкуры животных, разные ремесленные изделия); в условиях походной армии «начальные люди» отбирали государево жалованье и «добыточный живот»*, били кнутом и батогами [112].

Ранее Малово упоминался в историографии в связи с тем, что был послан в Олонецкий уезд для расследования злоупотреблений, допущенных переписчиком Иваном Дивовым в 1657 г., однако как ход расследования, так и результат были неизвестны. Единственными документами, на которые ссылались историки при упоминании деятельности Сергея Малово в Олонецком уезде, были два опубликованных ещё в XIX в. документа: наказ ехать в Олонецкий уезд для расследования злоупотреблений разных должностных

* Военные трофеи.

лиц и челобитная крестьян нескольких Заонежских погостов, которые уже знали о скором приезде в уезд Малово и, тем не менее, написали жалобу на имя царя с просьбой повелеть разобраться в совершённых нарушениях, в том числе Иваном Дивовым, который, по их словам, за «посулы» годных к несению службы крестьян от службы освобождал, а больных, увечных, старых и малых писал в солдаты [5], [8]. На основании этих двух документов А. Ю. Жуков предположил, что замена в 1658 г. воеводы Чоглокова на воеводу Мышецкого связана с выявлением Малово множества злоупотреблений, которые часто совершались должностными лицами в Олонецком уезде и покрывались воеводой Чоглоковым [120]. Возможно, что так и было, однако в книгах с результатами расследования Малово в самом начале записано, что на олонецких воевод жалоб не было, то есть никто из местных крестьян и пашенных солдат не подавал сыщику челобитных с обвинениями воевод в каких-либо злоупотреблениях: «На олонецких воевод обид и насильства и никакие тесноты во всех погостех обыскные люди не сказали и посулов-де и поминков ни у кого олонецкие воеводы не имели» [112; 759].

Однако приведённые в следственных книгах Малово сведения о множестве проступков и преступлений разных должностных лиц в отношении местных жителей свидетельствуют о сложной обстановке в погостах. Пашенные солдаты и крестьяне подали «сыщику» 188 жалоб, по большей части коллективных, на 104 должностных лиц*, среди которых боярин и воевода князь С. А. Урусов, стольник и воевода П. И. Потёмкин, лавуйский воевода А. С. Потёмкин, «сыщик» И. С. Дивов и приехавшие с ним пушкари, стрельцы, подьячие, дворовые люди и дворецкий, а также три полковника, четыре подполковника, три майора, 17 капитанов, 15 поручиков, пять прапорщиков, три сержанта, один обозничий, семь солдат, четыре новокрещена, два пушкаря, три новгородца, один «белянин», 16 посадских людей, один городской приказчик, два старосты, восемь подьячих, три дьячка; кроме того, группа понятых, которых привлекали для свидетельства

* В их числе не показаны стрельцы, пушкари, подьячие, дворовые люди, прибывшие в Олонецкий уезд вместе с И. С. Дивовым, на которых местные жители тоже подали жалобы.

при отправке солдат на службу. Иноземцев среди обвиняемых было 27 человек. Выявлено, что на некоторых должностных лиц поступило по несколько жалоб, которые, судя по содержанию, накопились со времени введения солдатской службы. Из пятнадцати Заонежских и семи Лопских погостов, в которых чернососшные крестьяне были записаны в солдаты, ни одной жалобы на рассмотрение С. А. Малово не поступило только от жителей трёх погостов: Водлозерского, Выгозерского и Шальского. Интересно, что солдаты Выгозерского погоста в марте 1658 г. вместе с солдатами нескольких других погостов в упоминавшейся выше челобитной на имя царя жаловались на злоупотребления разных должностных лиц, однако в книгах расследования Малово не отражено разбирательство ни одного случая каких-либо «обид» в отношении жителей этого погоста. Жители далёкого Водлозерского погоста, разбежавшиеся по лесам в 1657 г. и не явившиеся на смотр для переписи Дивова, по-видимому, предпочли не объявляться и перед сыщиком Малово.

Все проступки и преступления должностных лиц, содержащиеся в жалобах крестьян и солдат, можно разделить на две группы: совершённые в период войн в полевой армии и собственно в Олонецком уезде. В первом случае среди жалоб солдат, участвовавших в войнах, встречаем такие как отнятие части жалованья и «добыточного живота», принуждение бесплатно выполнять работы, за которые было положено платить, непринятие жалоб высшими военачальниками на низших, избиение батогами и кнутом для того, чтобы получить деньги, а также два случая убийства солдат. Причём убийство, по словам челобитчиков, совершил сам полковник А. Гамильтон и сделал это потому, что солдаты били ему челом, чтобы он отдал причитавшиеся им деньги «за мостовое дело через Двину реку»: «...и он-де Александр за то зарезал двух человек салдат Линдозерского погоста Кондрашка Яковлева да Семчозерского погоста Наумка Боранова...» [112; 763об.]. Помимо убийства полковник уличался солдатами также в отнятии государева жалованья и избиении кнутом. Всего военачальник «отнял живота» на 135 рублей. Важно отметить, что наказание полковнику не было назначено, так как он отсутствовал в уезде во время расследования: «...и в том животе и в убитых головах

очные ставки дать не с кем и править живота было не на ком, потому что полковник Александр ныне на государеве службе во Пскове» [112; 763об.—764].

В случаях, когда «обиды» местным жителям причинялись в Олонецком уезде, часто это были принуждения к даче «посулов» за отсрочку от «высылки» на службу. В первые годы участия олонечких пашенных солдат в военных действиях дезертирство не было массовым. В переписных книгах Дивова 1657 г. зафиксировано 727 имён сбежавших, пропавших безвестно, не найденных, не вернувшихся со службы по неустановленной причине солдат [105]. Причины бегства могли быть разные: во-первых, тяжёлые условия существования в армии (из-за недостаточного снабжения продовольствием и отсутствия тёплой одежды солдаты голодали и страдали от холода); во-вторых, солдаты, безусловно, помнили обещание правительства не отправлять их на «дальние службы», нарушение этого обещания привело к их недовольству, выражавшемуся в бегстве или отказе участвовать в военных походах. Однако правительство нуждалось в ратных людях для ведения войны и требовало неукоснительной явки в армию.

Многочисленные «сыщики» и «высылщики» в ходе осуществления своих полномочий имели право прибегать к методам насильственной отправки на службу, бить батогами наиболее ярых ослушников и «бунтовщиков». При этом, понимая, как сильно нежелание солдат отправляться на войну, многие должностные лица принимали от них взятки за отсрочку от «высылки», вероятно, сообщая в своих отписках воеводе, что разыскать солдат не получилось. В иных случаях должностные люди сами «вымучивали» у солдат «посулы» (деньги, еду, вино, меха, ремесленные изделия). Имели место случаи грабежей и насилия, в том числе по отношению к женщинам. Некоторые обвинённые должностные лица оправдывались тем, что брали деньги, или еду, или вино не в качестве «посула», а «в почесть» [112; 766, 769об., 774об., 777, 785об., 801, 805—805об, 806—806об.]*. Однако Малово расценил

* Подробнее о различии подношений в виде «посулов» или «в почесть» см.: Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма [118]; Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века [143].

это как доказательство невинности только в одном случае, казавшемся иноземного капитана Ивана Франка, сообщившего, что он «для салдатской высылки кормы людские и конские в почесть принимал, а посулов и поминков не принимывал и насильства не чинил» [112; 774об.]. В случае с прапорщиком Матфеем Полозовым, получившим от старосты Пудожского погоста (якобы «в почесть») 10 рублей, ему было велено эти деньги вернуть [112; 777].

На «сыщика» Дивова и его помощников было подано 30 жалоб из восьми Заонежских и двух Лопских погостов. Таким образом, жители остальных погостов (семи Заонежских и двух Лопских), где сам Дивов или его помощники проводили розыск и перепись солдат, не предъявили никаких обвинений в их адрес. Лично Дивов уличался в злоупотреблениях своим служебным положением жителями семи Заонежских погостов: Вытегорского, Мегорского, Олонецкого, Оштинского, Пудожского, Шуйского, Шунгского. Важно заметить, что ни в одной жалобе не содержится обвинение в освобождении за посулы от службы годных к ней крестьян и записи вместо них старых, малых или больных, как об этом сообщали солдаты Выгозерского, Кижского, Шунгского, Шуйского погостов и Кузарандской волости в упоминавшейся выше челобитной незадолго до приезда Малова. Была ли передана их челобитная Малово, неизвестно, однако в его книге с итогами расследования вопрос о нарушениях Дивовым порядка записи на службу не поднимался. Большинство обвинений сводились к следующему: получение денег «за столы», «в почесть», на пиво, вино, «харч», «корм» [112; 805—807об.]. В Пудожском и Шунгском погостах «сыщику» было дано в челобитных по 100 и 20 рублей соответственно [112; 806]. В Шуйском погосте Дивов также получил с двух «старощений» по 48 и 12 рублей. Причём один староста — Калинин Насонов — сообщил об этом в ходе расследования, а второй — Лучка Пономарев — «запирался», так и не признавшись, что передача денег имела место [112; 806об.—807об.]. Ввиду того что Дивов и все его помощники уже давно уехали из Олонецкого уезда, вопрос о наложении на них какого-либо наказания и о возврате денег не был решён и оставлен на усмотрение царя («...и в тех денгах... что великий государь укажет») [112; 807об.].

По итогам расследования всех поступивших жалоб из 101 обвинённого должностного лица 81 человек понёс наказание. Большинство были принуждены вернуть полученные от солдат и крестьян деньги, некоторые, не признавшие свою вину, в трехкратном размере. Тридцать шесть человек (два поручика, один сержант, два подьячих, староста Линдозерского погоста и 30 понятых) были биты батогами, а девять человек (один поручик, два новокрещена, два подьячих, три посадских человека и староста Оштинского погоста) были биты кнутом, при этом два посадских были биты «на козле и по торгом», а три поручика были посланы «к Москве» для дальнейшего разбирательства.

Что касается иноземных военнослужащих, в общем количестве выявленных случаев «обид» по расследованию Малово проступки иноземцев составляли всего 24 % (46 жалоб из 188 подали солдаты и крестьяне на 27 иноземцев). Если обратить внимание на наказание, то 15 иноземцев не понесли никакого, так как в момент расследования находились на службе в разных городах, четверо к этому времени уже погибли на войне, двое умерли, ещё двое доказали свою невиновность. Только четверо расплатились с истцами, при этом никто из иноземцев не понёс телесного наказания, кроме одного случая, когда деньги были взысканы после правежа. Таким образом, большинство виновных иноземных «начальных людей» избежало какого бы то ни было наказания.

Принятие иноземными военнослужащими православия

Конфликты между иноземными офицерами и местными крестьянами и пашенными солдатами случались не только по причине бытовых неудобств (присутствие иноземцев в крестьянских дворах) или нежелания крестьян нести солдатскую службу, но также из-за конфессиональных различий. Проблемы, возникавшие во взаимоотношениях пашенных солдат и «начальных людей», можно было решить либо назначением в олонецкие полки русских «начальных людей», либо иноземцев, принявших православие.

Важными документами как о появлении среди «начальных людей» русских офицеров, так и о крещении иноземных являются

хранящиеся в РГАДА росписи «начальных людей» полков олонецких пашенных солдат за 1649—1656 гг. Составление данных документов было связано с выдачей офицерам денежного жалования, однако из росписей можно почерпнуть некоторые сведения о крещении иноземных офицеров в православие с тем, чтобы определить, повлиял ли переход в православие на их карьерный рост или отношение к ним солдат и местных жителей.

Относительно принятия иноземными офицерами православия выводы возможно сделать на основе пометы «новокрещен» или указания русского имени полученного при крещении в православие после имени иностранного. Таких случаев по росписям за 1649—1656 гг. мы выявили всего четырнадцать: «майор новокрещен Петр Флерман» [107; 550] (вероятно, он же в другом списке написан как «майор новокрещен Петр Лермант» [107; 565]), прапорщик «новокрещен Иван Ильфов» [107; 230], каптенармус «Вилим Трейден, во крещенье Денис» [106; 303], сержант «Петр Фредриков, Матвей во крещеньи» [107; 425] (в другом списке — «Петр Фредриков, во крещенье имя то ж»), сержант «Яков Руссель, во крещенье Матфей», рядовой «Анц Брун, во крещенье Кондратей» [6; 172], «Александр Гоконов, во крещеньи Анисим» [107; 438], «Кашпир Петров, во крещеньи Максим» [6; 171], [107; 540], «Джон Мичел, во крещеньи Захарий» [6; 171], [107; 541], «Томас, во крещеньи Матвей, Спенсов» [107; 545], сержант «Яков Русельи, во крещеньи Александр Фули» [107; 547], сержант «Мартин, во крещеньи Григорий, Зом» [107; 552]. Также в двух случаях встречается иная формулировка при добавлении русского имени к иностранному: «а по-русски...». Так, в росписи начальных людей полка М. Кармихеля, составленной в январе 1656 г. (сам полковник к тому времени уже погиб), значатся с такими пометами капитан «Петр Крести, а по-русски Яков» и капитан «Рычерт Салтус, а по-русски Григорий» [108; 242—243]. Однако в данных случаях нельзя сделать вывод, что эти иноземцы приняли православие. Составители росписи могли зафиксировать русское имя, принятое при обращении к названным офицерам.

Шесть случаев из вышеперечисленных были зафиксированы в росписи за 1649 г., остальные — за 1653—1656 гг. В 1649 г. православ-

ными были четыре сержанта («Кашпир Петров, во крещенье Максим», «Джон Мичел, во крещенье Захарей», «Петр Фредриков, во крещенье имя то ж», «Яков Руссель, во крещенье Матфей»), один каптенармус («Вилим Трейден, во крещенье Денис») и один рядовой («Анц Брун, во крещенье Кондратей») [6].

В росписях «начальных людей» изучаемых полков в последующие годы имена Кашпира Петрова, Джона Мичела и Петра Фредрикова встречаются, а имя «Вилим Трейден» нет. Однако в росписи полка М. Кармихеля за 1654 г. записан прапорщик Денис Трейден [108; 13]. Полагаем, что это тот же самый человек, у которого имя, полученное при крещении в православие, заменило собой иноземное, поэтому не исключено, что среди иноземных «начальных людей», приехавших в Заонежские погосты в 1649 г., были и другие, принявшие православие, у которых имя, полученное при крещении, уже заняло место имени иностранного. Так, в росписи иноземных офицеров 1649 г. в полку А. Гамильтона служили один Фёдор, два Александра, два Михайлы, четыре Якова и пять Ондреев, а в полку М. Кармихеля — один Алексей, один Дмитрий, один Григорий, один Александр, два Ондreja, два Якова, три Ивана, три Петра [6].

Случаи с крещением Петра Фредрикова и Дениса Трейдена можно проанализировать с точки зрения влияния принятия иноземцами православия на их продвижение по службе. По-видимому, факт крещения в православие, как справедливо заметила Т. А. Опарина, не вызывал немедленного повышения в чине. Так, Пётр Фредриков в 1649 г. был сержантом, в 1653 г. числился прапорщиком [107; 237], а в 1654 г. — поручиком [108; 12]. Вилим Трейден, принявший православие и получивший в крещении имя Денис, продвинулся по службе от простого каптенармуса до капитана — командира роты солдат, последовательно пройдя чины прапорщика и поручика в течение семи лет. Из грамоты от 18 августа 1654 г. по челобитью новокрещена прапорщика Дениса Трейдена о пожаловании ему «за крещенья православные христианские веры» и за службу во Пскове в роте его родного брата Андрея Трейдена кормом в «порутчикову статью» [108; 36] становится ясно, что в период между 1649 и 1654 гг. Денис Трейден был переведен в чин прапорщика.

В данной грамоте решение не прописано, получил ли тогда челобитчик более высокий чин, остаётся неясным, но в росписи полка М. Кармихеля за январь 1656 г. Денис Трейден числится поручиком [108; 246]. Более того, в марте 1656 г. имя Дениса Трейдена уже встречается в росписи полка Томаса Крафтерта в чине капитана [108; 416].

Были случаи и более значительного карьерного продвижения. Самым, пожалуй, показательным примером является карьерный рост иноземного офицера Ягана Трейдена — от прапорщика (в 1649 г.) до полковника (в 1659 г.) К сожалению, в изученных нами документах нет сведений о его вероисповедании, остается неизвестным, принял он православие или нет. Тем не менее, судя по описанному в монографии А. В. Малова случаю произошедшего в 1662 г. бунта солдат против Я. Трейдена, находившегося в то время в Пскове, в котором на стороне солдат выступил даже один священнослужитель [130; 122—123], надо полагать, полковник так и не перешёл в православие. Непослушание солдат тогда было вызвано их несогласием с вынесенным смертным приговором двум их товарищам: за бегство со службы два солдата были приговорены к повешению, однако остальные вместе с жителями Пскова не дали привести приговор в исполнение, поскольку исходил он от иноземца — Я. Трейдена. По мнению А. В. Малова, русские люди, в том числе солдаты, полагали, что иноземцы не имеют права осуществлять высшую меру наказания — казнить провинившихся православных солдат [130; 122—123]. Полагаем, что историк имеет в виду иноземцев, не перешедших в православие.

В связи с рассмотрением царского указа 1652 г. о запрете русским людям работать на иноземцев и жить у них во дворах на вопросе взаимоотношений олонецких пашенных солдат с их иноземными командирами останавливались исследователи С. П. Орленко и Т. А. Опарина. В фонде Олонецкой воеводской избы сохранилась челобитная полковника А. Гамильтона воеводе В. А. Чоголокову с жалобой на солдат, которые, узнав об этом указе, перестали повиноваться начальным людям, апеллируя к указу о запрете русским людям иметь какие-либо отношения с иноземцами, при этом солдаты называли иноземных офицеров «неверными» и «не-

крещеными». Эта челобитная опубликована и проанализирована С. П. Орленко в контексте правового положения иноземцев в России [137; 289]. Т. А. Опарина также обратила внимание на данный документ и сделала вывод, что в связи с волнениями крестьян, возникшими после названного указа, в олонецкие полки были посланы крещённые в православную веру иноземцы, в частности, исследовательница называет Ивана Данилова Ильфова.

Изучая род Иоганна Эйлофа, приехавшего в Россию из испанских Нидерландов еще в XVI в., исследовательница выявила факты принятия православия рядом его потомков. Один из них, Иван Данилов Ильфов, служивший некоторое время в Олонецком уезде, принял крещение по православному обряду в 1648 г. (в то время он был рядовым, служил в роте иноземцев «старого выезда») [138; 198]. По данным исследовательницы, изменение вероисповедания не повлекло немедленных служебных перемещений и только в 1651 г. И. Ильфов составил прошение о переводе в Олонец с повышением чина. Просьба «новокрещена» И. Ильфова была удовлетворена, и он был назначен прапорщиком к капитану Ивану Вуду (своему родственнику) в солдатский полк М. Кармихеля. Исследовательница полагает, что новое звание являлось наградой за восприятие таинства и могло способствовать более быстрому продвижению по службе. О следующем повышении И. Ильфова ею сообщается, что он был переведен в чин поручика полка А. Гамильтона по челобитью в 1654 г. [138; 199]. В 1656 г., по данным исследовательницы, он служил в чине капитана, но уже в полку Юрия Инглеса. Выявленные нами сведения подтверждают и в то же время корректируют данные Т. А. Опариной о продвижении по службе И. Ильфова. По изученным документам в 1653 г. он — прапорщик [107; 129, 144], в августе 1654 г. — полковой квартирмейстер полка А. Гамильтона (в документе имеется помета — «переписался в ыной полк») [108; 18], потом — поручик. В росписи «начальных людей» того же полка, которым был «дан корм на Москве», приложенной к грамоте от 5 февраля 1655 г., имя И. Ильфова ещё присутствует [108; 72], но в росписи от 21 февраля 1655 г. его имени уже нет. По мнению Т. А. Опариной, крещение И. Ильфова в православие в 1648 г. сыграло большую роль в его карьерном росте —

от рядового до капитана. Исследовательница связывает направление православного иноземца на службу в олонецкие солдатские полки с политикой, нацеленной на умиротворение солдат, не желавших обучаться под командованием инославных офицеров [138; 198—200].

С утверждением Т. А. Опариной, что назначение иностранцев, принявших православие, в олонецкие полки было одним из способов погашения конфессиональных конфликтов, мы соглашаемся, однако важно заметить, что отправление в Олонецкий уезд православного И. Ильфова не могло быть ответом на бунт солдат, начавшийся после указа 1652 г., как утверждает Т. А. Опарина, анализируя челобитную полковника А. Гамильтона, жаловавшегося на отказ солдат подчиняться «неверным» и «некрещеным» иноземцам, так как Иван получил своё назначение ещё в 1651 г. Тем не менее не исключено, что проблема взаимоотношений пашенных солдат и «начальных людей» постепенно решалась таким образом и до 1652 г., а после жалобы полковника в олонецкие полки по возможности стали назначать больше православных, в том числе русских начальных людей, однако иноземцы всё-таки численно преобладали.

В целом полагаем, что переход в православие не являлся единственно необходимым условием для продвижения по службе и повышения в чине. Ничуть не менее, чем принадлежность к православной вере, особенно в условиях военного времени, по-видимому, ценились военные таланты и способность руководить военными подразделениями. Именно этим, вероятно, объясняется тот факт, что жалованье русских «начальных людей» в изученных росписях полков всегда было ниже жалованья иноземцев, служивших в том же самом чине. При этом разницы в жалованных окладах за службу иноземных офицеров одного чина, но разной конфессиональной принадлежности, в том числе принявших православие, в изученных документах не выявлено.

Наш вывод сводится к тому, что переход в православие мог быть лишь дополнительным, но не определяющим аргументом в просьбе о повышении в чине. Зато крещённым по православному об-

ряду «начальным людям», вероятно, было легче получить назначение в олонецкие полки пашенных солдат.

Появление русских офицеров в полках пашенных солдат

В ходе исследования нами выявлено, что в период войны с Речью Посполитой (1654—1667) русских «начальных людей» в олонецких полках было уже немало. Это очевидно из росписей личного состава полков: по каждому чину сначала составлялся перечень иноземцев, затем — русских.

Мы изучили росписи «начальных людей» олонецких полков за 1649—1656 гг. и выяснили, как менялось соотношение иноземцев и русских. За 1649 и 1653 гг. имеются сведения об офицерском составе двух полков — полковников Александра Гамильтона и Мартина (Мартына, Мунго) Кармихеля, за 1654 г. трёх — под командованием А. Гамильтона, М. Кармихеля и Т. Крафферта, за 1655 г. четырёх — полковников А. Гамильтона, М. Кармихеля (сам полковник погиб под Брестом в ноябре 1655 г.), И. Андерсона (назначен полковником в марте 1655 г.) и Т. Гейса (назначен полковником на место Томаса Крафферта в марте 1655 г.). В 1656 г. полков пашенных солдат было уже пять: А. Гамильтона, И. Андерсона, Т. Гейса, Т. Крафферта (по-видимому, его назначили полковником ещё одного полка) и В. Кармихеля (назначен полковником в марте 1656 г.). Из других актов документов известно, что в апреле 1659 г. на место полковника В. Кармихеля был назначен Я. Трейден, прежде бывший в чине подполковника в полку Т. Крафферта. Также есть упоминание о полке Ивана Фливерка и роспись беглых заонежских солдат этого полка (ноябрь 1661 г.) [107; 227—241, 535—551, 565—566, 609—611], [108; 7—15, 16—23, 44—46, 81—90, 119—135, 185—193, 205—209, 223—226, 240—249, 254—261, 264—270, 276—284об., 299—300, 401—432], [109; 14, 205—212].

Данные документы содержат важную информацию. Во-первых, позволяют проследить изменения офицерского состава и сделать выводы о соотношении иноземных и русских «начальных людей» в полках олонецких пашенных солдат (по крайней мере, за 1649—1656 гг.). Во-вторых, на основании анализа размера денежного жа-

лованья можно сделать вывод о статусе и ценности иностранных и русских военных специалистов в России в XVII в. Кроме того, пометы напротив имён «начальных людей» в росписях дают возможность выявить о них некоторую персональную информацию, в том числе о повышении в чине, переводе в другой полк, ранении или гибели на службе.

Вопрос о национальном составе офицерского звена полков пашенных солдат в 1649—1651 гг. затронул А. С. Рыжков. Автор в начале пришёл к выводу о присутствии русских офицеров в среднем управлявшем полками звене. Однако остановившись на проблеме интерпретации имён офицеров, А. С. Рыжков отметил, что иноземные имена иногда заменялись на русские эквиваленты и в этих случаях бывает сложно определить, русский это офицер или иноземный. В результате проведённого анализа А. С. Рыжков пришёл к выводу, что в первые годы существования службы пашенных солдат все офицеры среднего звена всё-таки были иноземцами, даже те, у кого были русские имена [140]. Следует отметить, что исследователь не указал в качестве причины замены иноземных имён русскими принятие православия. Какие изменения в составе «начальных людей» происходили в последующие годы, автор не изучал.

На вопрос о назначении в олонецкие полки пашенных солдат русских «начальных людей» обратил внимание А. Ю. Жуков. Исследователь не указал, в каком году в этих полках появились русские офицеры, но на основании сметы расходов Олонецкого уезда за 1655/56 г. отметил, что к 1656 г. некоторые из них успели «дорости» до званий майоров и капитанов, поскольку, как пишет автор, за выслугу лет им полагалось продвижение по службе и повышение жалования [120; 207].

А. Ю. Жуков привёл следующие имена русских офицеров, служивших в полку В. Кармихеля, которые он выявил в смете расходов за 1655/56 г.: майор — Роман Шестаков; капитаны — Василий Мячков и князь Андрей Вяземский; поручики — Василий Долматов, Михаил Кочановский, Афонасий Воеводин, Еремей Пятого, Козьма Шишкин, Евтихий Ветчев*, Дмитрий Битяговский. Далее

* Следует читать «Бегичев» [103; 150].

автор сообщает, что «в 1656/57 г. в полку майором служил уже Петр Озеренский, капитанами были, кроме вышеназванных, Иван и Кондратий Пятого, Автоном Кудрявого, Иван Неелов, поручиками — те же и Богдан Головин». Подобным образом А. Ю. Жуков проследил офицерский состав полка В. Кармихеля за несколько лет [120; 208]. При этом в изложении данного вопроса автор допустил некоторые фактические неточности, которые могут быть объяснены двумя причинами. Во-первых, А. Ю. Жуков оставил непрочитанной одну строку в смете за 1655/56 г., в результате автор привёл неполный перечень русских капитанов за этот год. О капитанах Иване и Кондратии Пятого и Автомоне Кудрявого, служивших в полку В. Кармихеля в этом чине уже в 1656 г. и зафиксированных сметой за 1655/56 г., А. Ю. Жуков написал, что они отмечены, начиная со сметы за следующий 1656/57 г., то есть, как минимум, на год позже, чем было в действительности. Во-вторых, использование в качестве источников только смет привело А. Ю. Жукова, в частности, к ошибке в указании даты создания полка Т. Крафферта: 1657/58 г. [120; 206]. На самом деле, решение о создании этого полка было принято ещё в конце 1653 г., а сформирован полк был после прибытия полковника в Олонецкий уезд в апреле 1654 г. При этом упомянутые А. Ю. Жуковым среди начальных людей полка В. Кармихеля майоры Пётр Озеренский и Роман Шестаков в 1654 г. служили в полку Т. Крафферта в чине капитанов [108; 44].

Что касается соотношения иноземных и русских «начальных людей» в олонечких полках пашенных солдат, по нашим подсчётам, в начальный период войны с Речью Посполитой число русских офицеров в полках значительно увеличилось. Если в 1649 г. все «начальные люди» были иноземцами, то в 1654 г. в росписях отмечены 10 русских, а в 1656 г. в несколько раз больше — уже 57. Это данные не носят исчерпывающего характера, однако динамика роста численности русских «начальных людей» очевидна. Для полной картины приведём сведения об общей численности иноземных «начальных людей». В 1654 г. в трёх полках олонечких пашенных солдат служили 143 иноземца, а в 1656 г. в пяти полках — 177. Таким образом, в 1656 г. русские «начальные люди» составля-

ли примерно треть от общего числа офицеров, что уже было немало. Безусловно, такая динамика не была связана исключительно со стремлением избегать конфессиональных конфликтов. Овладение русскими людьми западноевропейскими военными навыками позволило постепенно вводить их в офицерский состав, что было выгодно, по крайней мере, по двум причинам: во-первых, исключалась проблема конфессиональных конфликтов, во-вторых, русским «начальным людям» можно было платить не такое высокое жалованье, как иноземцам.

Глава 2

ОТПРАВКА НА СЛУЖБУ И БЕГСТВО СОЛДАТ

ПРИЧИНЫ И МАСШТАБЫ БЕГСТВА

Бегство пашенных солдат со службы отмечалось практически всеми историками, обращавшимися к вопросу о формировании солдатских полков в Олонецком уезде. Среди причин обычно назывались отправка солдат на дальние театры боевых действий и бедственное положение крестьянского хозяйства в связи с этим. Среди путей решения проблемы бегства указывались, с одной стороны, такие меры, как телесные наказания, ссылка в Сибирь, конфискация имущества, казни, с другой стороны, меры предупреждающего характера: оформление поручительства или договоров найма. Как правило, до настоящего времени в трудах историков всем этим вопросам посвящалось не более одного-двух абзацев.

Несмотря на суровость предусмотренных Соборным Уложением 1649 г. и рядом указов наказаний, бегство солдат и офицеров с места боевых действий и просто нежелание идти на службу в армию

в XVII в. были обычным явлением. Самовольно покинуть расположение действующей армии могли и солдаты, набравшиеся из даточных людей, и стрельцы, для которых военная служба являлась основным занятием, и дворянская конница [132; 133], [122; 149], [152; 162], [124; 67].

Олонецкие пашенные солдаты тоже не стали исключением и из полков «бегали беспрестани» [9]. Следует подчеркнуть, что уже в первые годы несения службы крестьяне, записанные в солдатские ряды, стали проявлять недовольство трудностью совмещения военных учений, на которые зачастую надо было ходить в другие деревни за много вёрст, с традиционными сельскохозяйственными и промысловыми занятиями. Переписчик Дивов внёс в свои книги имена солдат, которые сбежали со своего места жительства ещё в мирные 1649/50—1652/53 гг. [105; 612—612об., 616, 621об., 623, 632, 634—634об., 635об., 636, 638об., 639, 651об., 654—654об., 1083об.]. Также в источниках есть свидетельства о бегстве некоторых обученных солдат не от службы как таковой, а с целью поступления на службу в другие полки нового строя, в которых, в отличие от олонецких, платилось жалование. Выше уже были рассмотрены обращения с челобитными по этому вопросу полковников М. Кармихеля и А. Гамильтона, сетовавших, что вместо обученных солдат, трубачей и барабанщиков из-за их бегства в Москву приходилось набирать новых «неученых», и это мешало обучению [107; 169, 184]. Тот факт, что олонецкие солдаты, обучившись военному делу, находили применение полученным профессиональным навыкам, отмечено и в переписных книгах Дивова. Так, об одном солдате деревни Парфеевская Остречинского погоста записано: «Ивашко Варфоломеев збежал в Старую Русу в стрельцы во 162 (1653/54 г. — Д. Б.) году» [105; 634—634об.], а в списке беглых солдат Оштинского погоста Дивов отметил четырёх братьев — Игнашку, Оску, Обросимку и Петрушку Мартыновых из деревни Нефедьевской, которые «сошли к Москве», правда, без указания, в каком году и с какой целью [105; 637об.].

Вступление России в войну, сначала с Речью Посполитой в 1654 г., затем со Швецией в 1656 г., усугубило ситуацию с бегством. Острая потребность государства в наборе солдат для отправки в походы

за рубеж заставила власть нарушить обещание не посылать пашенных солдат на дальние службы, что вызвало сильное возмущение крестьян. В этом заключалась главная причина ставшего массовым бегства из войска: дальняя служба для поселённых солдат, предназначенных исключительно для охраны границы в своих родных местах, была непосильно тяжёлой. С этого времени число беглых солдат выросло в разы, даже несмотря на угрозу наказания. Некоторые сбегали вместе с семьями. Так, солдат Остречинского погоста Ивашко Деев «збежал во 163 (1653/54 г. — Д. Б.) году з женою и з детьми» [105; 635], вероятно не пожелав отправляться на войну.

Кроме побегов олонецкие солдаты находили и другие способы избежать отправки на службу: ставились в попы и дьяконы, постригались в монахи, нанимались в съезжую избу подьячими либо на должности приставов и пушкарей [109; 17, 111], [111; 672—673]. Законным способом освобождения от службы также было заключение договоров найма с лицами, согласными служить за определённую плату.

Что касается бегства олонецких солдат из армии В. П. Шереметева, документальные свидетельства об этом появились уже в октябре 1654 г. В это время олонецкому подьячему Степану Ижорину, ранее занимавшемуся сыском и возвращением на прежние места жительства «сошлых» крестьян Заонежских и Лопских погостов, было поручено сыскивать беглых солдат. Вот что он сообщил в своей челобитной: «сыскал я, холоп твой, в одном в Олонецком погосте беглых салдат, которые, взяв твое государево жалованье, с службы збежали ис полку твоего государева боярина и воеводы Василья Петровича Шереметева с товарищи, девяносто шесть человек» [46]. Подчеркивая эффективность своей розыскной деятельности, подьячий писал: «А до меня, холопа твоего, посланы были многи сыщики для тех беглых салдат, и не сыскали ни одного человека неведомо для чего» [46]. Сысканных беглых солдат снова выслали на службу.

Спустя три года в переписных книгах Дивова в 1657 г. среди сбегавших, пропавших безвестно, не найденных, не вернувшихся со службы показаны 727 солдат (140 человек — в третьей книге; 587

человек — в пятой) [105]. В 60-е гг. XVII в. количество беглых резко возросло, однако назвать точные цифры не представляется возможным, так как сохранились только разрозненные списки «нетчиков» по разным погостам за разные годы, иногда имена беглых повторялись в нескольких списках, иногда в одном списке значились имена как сысканных беглых солдат, так и тех, которые высылались на службу в свою очередь. В силу этого подсчёт беглых солдат по этим спискам может привести к неверным выводам. Некоторые данные о масштабах бегства солдат со службы выявлены в актовых материалах. Так, воевода Чоглоков в октябре 1658 г. сообщил в своей отписке, что в период с 15 июля по 6 октября того же года из полка Т. Крафурта «с Олонца» сбежало 650 человек [111; 125], а после 6 октября — ещё 134 человека [111; 133]. Воевода жаловался, что многие солдаты «бегают врознь безпрестанно», а разыскать их невозможно, потому что «ухораниваютца по лесом и в помещиковы и в монастырские вотчины у сродичей своих» [111; 133]. Некоторые беглые солдаты, чтобы избежать высылки на службу, не возвращались в Олонецкий уезд. Правительству это было известно, поэтому, в частности, в грамоте С. Г. Куракину было велено «сыскать» беглых «заонежских» солдат, находившихся в Новгороде [111; 136].

Некоторые солдаты приходили в Олонец, но получив жалованье, сбежали. Об этом тоже сообщал воевода Чоглоков: «Да изо многих государь Заонежских погостов многие салдаты, заслыша твою великого государя службу, что их по твоему великого государя указу высылают во Псков и на Лавую, на Олонец не идут и збегают, а которые государь и объявятца на Олонец, и взяв твое великого государя денежное жалованье и пожив некоторое время по месяцу, а иные по полумесяцу, с Олонца по тому ж безпрестанно бегают» [111; 140].

Переписка должностных лиц Москвы, Олонца и Новгорода в 1660-е гг. в основном состоит из обмена данными о всё новых сбежавших солдатах и их, по большей части безуспешном, сыске. В частности, в 1662 г. из Олонца на службу было выслано 1815 человек. Из государевой казны им были выданы по 5 рублей на платье, а также шубы. Правда, из этого числа 96 человек сбежало по

дороге, а 405 — из Новгорода и Пскова (солдаты полка Я. Трейдена) [111; 282—283]. Б. А. Репнин сообщал государю, что солдаты «не хотя быть на твоей великого государя службе, забыв страх Божий и твое великого государя крестное целованье, с твоей великого государя службы из Великого Новагорода бегут беспрестанно на день человек по десяти и по дватцати и болши» [111; 284—285]. Интересно мнение воеводы о причинах бегства: «А бегают, государь, они не от хлебные скудости, своею дуростию» [111; 285]. В другой отписке Репнин повторил эту мысль, которую донесли до него солдатские высельщики: солдаты бежали «не от нужи и не от голоду», так как при досмотре у некоторых беглых находили «денег рублев по сроку и болши» [111; 380].

В том же 1662 г. из Кижского погоста Олонецкого уезда рейтарский ротмистр Феоктист Ласунский и стрелец Яков Андреев выслали на службу 508 человек, из них ни один в Олонец не явился, все разбежались по дороге. По словам стрельца, эти солдаты «из домов своих отъехав верст с тритцать на Онеге озере в судах все разбежались» [111; 331]. Подобная ситуация вскоре повторилась: из 111 человек, высланных из того же Кижского погоста, в Олонец ни один не явился «отъехав Кижского погоста судами, а иные горою, верст сорок разбежались» [111; 339]. В том же году по высылке С. К. Мякинина из прибранных им 244 солдат Кижского погоста и 253 солдат Шунгского погоста в Олонец явились только два солдата Кижского погоста и 143 солдата Шунгского погоста [69; 94—97].

Так, Репнину сообщалось, что 3 и 10 июля 1662 г. из полка Я. Трейдена сбежали 94 человека, догнать их не смогли. Зато 34 солдат, сбежавших 5 июля из полка Христофора Трейдена с мушкетерами, начальные люди хоть и догнали, но схватить не смогли, так как «салдаты от них отбились и ушли на болото» [111; 340]. Сведения о подобном случае содержатся в опубликованном А. Ю. Жуковым документе, когда сбежавшие из полка Я. Трейдена солдаты «учинили» бой с преследовавшими их «начальными людьми»: «стреляли по ним из мушкетов». Только двух из них держали (их было велено повесить), остальным удалось скрыться [14; 123]. В данном случае очевидно, что военная подготовка и боевой опыт не прошли для этих солдат даром.

14 сентября сбежало 56 человек, 16 сентября — 110 человек, примерно в это же время сбежало ещё 372 человека. Из 11 беглых солдат Репнин приказал ещё двух человек повесить в Опочке, а двух прислать для казни в Псков [111; 371—373], [15; 134]. Одного из ранее пойманных беглецов было приказано повесить в Заонежских погостах «для устрашения» [14; 123]. Важно отметить, что в документах зафиксирован выбор солдата, подлежащего казни за бегство, с помощью жребия [15; 134]. Вероятно, такой способ определения был призван вызвать страх из-за того, что любой солдат мог оказаться на виселице. Всего за один месяц с 1 сентября по 1 октября 1662 г. из Пскова сбежало 657 человек «заонежских» солдат [111; 381]. Бегство солдат приняло такой масштаб, что в ноябре 1662 г. Б. Репнину было велено «чинить» беглецам жестокое наказание «не отписывая о том к нам, великому государю» [111; 384].

По мнению А. В. Чернова, в октябре 1662 г. правительство указало в солдаты из крестьян больше не брать [152; 143], однако исследователь не указал, из какого источника почерпнуты эти сведения. Нами установлено, что в отношении Олонецкого уезда это неверно. В соответствии с данными изученных источников олонецких солдат продолжали отправлять на театр военных действий, по крайней мере ещё до лета 1665 г. [111; 693—693об.].

В марте 1663 г. И. Б. Репнин, сменивший Б. А. Репнина, собрал в Новгороде в приказной избе олонецких сержантов, капралов и рядовых «лутчих людей» и спросил у них совета «как им быть мочно на... службе прочным и какое учинить в побеге их братья утверженье». На это они ответили, что бегут солдаты «от бедности, для того, что служат они... без подмоги», а из их жалованья (3 алтына в день) в зачет месячного корма (по четверику овса, ржи и ячменя) с них вычитают деньгами за рожь и ячмень по 10 алтын, а за овёс по 6 алтын 4 деньги. Солдаты просили, чтобы им указали служить «с вытного числа переменяясь с выти по пяти человек, а в Олонецком уезде и в Заонежских погостех четырёхста вытей и с лишком» и прибавить им месячный корм, тогда, по их словам, «солдаты на... службе будут крепки и бегать не учнут» [111; 431—434]. Решением было корм давать по-прежнему по 3 алтына, а за

хлеб денег из корма не вычитать [111; 431об., 442]. Тем не менее ситуация не изменилась. Солдаты продолжали сбегать со службы и от высыльщиков.

Показательный для понимания готовности пашенных солдат в любой момент оставить службу случай произошел в 1662 г. по дороге в Олонец. Репнин сообщил Мышецкому о том, что из 24 человек шуйских беглых солдат и их отцов, высланных Харламом Мевкелевым в Олонец с тем, чтобы затем они пошли в Великий Новгород, пять человек, не доходя до Олонца, по дороге сбежали обратно домой. Как выяснилось на допросе сопровождавших группу солдат стрельцов, беглецов с дороги «поворотил» шуйский солдат Гаврила Остафьев сын Старостин, который попался им навстречу. По словам свидетелей, Гаврила сообщил, будто бы он был в Олонце в съезжей избе и «бил челом великому государю, чтоб вместо тех салдат, которые служат в полкех человека на службу великого государя не имать». И «добыл-де» он для тех солдат память, которую солдатам показывал, «а не вычитал». И тем солдатам, у которых братья служат, сказал, чтоб воротились назад, и солдаты многие, а также солдат-бунтовщик Михейко Сергиев, с волостными провожататыми с ним, Гаврилкою, назад воротились. «А достальные салдаты... на Олонец приведены и в съезжей избе отданы», — завершили свой рассказ стрельцы, добавив: «А провожатые для чего назад воротились, и про то оне не ведают» [84]. Репнин распорядился всех беглецов разыскать, а разыскав, прислать в Олонец со стрельцами и волостными провожататыми «в крепостях связанных». А Гаврилку Остафьева, разыскав, «прислати на Олонец с беглыми салдатами вместе с нарочным волостным провожататым в крепостях. И о нем отписать имянно» [84]. Волостным провожататым, поворотившимся с дороги, было велено при полах и многих волостных людях «учинить жестокое наказанье, вместо кнута бить батоги нещадно, за то, что оне на Олонец с салдаты не пошли, а Гаврилку учинил смуту и з дороги их назат воротил, чтоб на то смотря иным волостным провожататым государева указа ослушатца неповадно было» [84].

Бегство было самым распространённым способом избежать отправки на службу: крестьяне, заслышав о приближении к их дерев-

не высильщиков, уходили в лес, зачастую вместе с семьями, и, переждав пока опасность быть взятыми под стражу миновала, возвращались по домам. Иногда крестьяне, обязанные служить, укрывались в соседних деревнях у родственников и друзей. Также из документов известны случаи, когда солдаты из числа зажиточных крестьян просили освободить их от службы, аргументируя свои просьбы тем, что у них якобы нет земельного участка (братья Маркеловы), в чём потом их уличали волостные люди [147]. Иногда, чтобы избежать отправки на службу, солдаты даже прибегали к подделке «розборных» списков. Так, олонецкий воевода Т. В. Мышецкий и дьяк Д. Протопопов сообщили высильщику С. К. Мякинину о том, что в его «розборном списке написано было имя деревни Кургиниц Кипрушки Онаньина и то имя выскребено. А в то место написано имя брата его Ортюшки, знатно, что своровано, для того чтоб ему, Кипрушке, быть в старостах. И тебе бо о том велети к нам отписать, которой из нех брат по твоему розбору написан на государеву службу, Кипрушка или [Ортю]шка, чтоб нам про то было ведомо» [86; 1об., 2об.]. Чем закончилась эта история, нам неизвестно, но имя Кипрушки Ананьева встречается в документах по Кижскому погосту ещё в марте 1664 г. Известно, что он был старостой и приставом в Кижском погосте, участвовал в неповиновении кижских крестьян высылке на службу, а также вместе с братом Иваном пытался выселить с участка вдову со вдовой же невесткой и её детьми, о чём обиженные женщины поставили в известность воеводу. Они же сообщили в челобитной, что у братьев Ананьиных своих участков много [77], [58; 14], [87].

В другом случае один из дьяконов Шунгского погоста «у стрельцов у Семеновых (Мякинина. — Д. Б.) отписки распечатывал и с тех отписок... и с росписей салдат вон выставлявал» [85], то есть, как мы полагаем, предупреждал солдат, кого из них на службу будут высылать в первую очередь, ведь Мякинин именно для этого приезжал в Шунгский погост: «разобрать» всех солдат на две очереди и первую очередь выслать на службу. О противозаконных действиях дьякона сообщил некий солдат Шунгского погоста с Поташевщины Ивашко Васильев новокрещену Богдану Иванову Тахташеву, а в воеводскую избу о данном факте написал

поповский староста Яким Григорьев. Воевода велел Мякинину о «дьяконове воровстве отписать, чтоб ему было ведомо» [85].

Немало было случаев и активного сопротивления пашенных солдат высылке на службу. В актовых документах зафиксированы факты неподчинения старост и волостных людей должностным лицам, присланным к ним для сыска и отправки солдат на службу. Так, в июне 1662 г. солдаты деревни Юрьгинской «сыщика Федора Мяхкого лаяли, а стрельцов трех человек били и за ним, Федором, и за стрельцами с топорами и с ослопьем гонялись» [111; 283]. В Москве, узнав о происшествии, велели провинившихся солдат бить кнутом, «чтоб впредь неповадно было воровать» [111; 294], а также решили направить в Заонежские погосты московских стрельцов [111; 291]. Для такого решения была веская причина, так как воевода Репнин в одной из отписок довел до сведения правительства, что новгородские сыщики солдатам «норовят» [111; 285—286], а в другой — что прежних высельщиков солдаты «ставят ни во что и их не слушают, и стрельцов бьют и приходят к ним с великим невежеством» [111; 381]. По мнению Репнина, если послать в Заонежские погосты московских стрельцов, солдатам будет «страшнее» [111; 381]. Тем не менее в августе 1662 г. воевода Репнин сообщил в Москву о том, что проблема с беглыми солдатами Заонежских погостов по-прежнему не решена: «солдаты... указу непослушны, на... службу ко мне... в полк не идут, з до роги бегают и к сыщикам приходят с великим безчестьем и стрельцов, которые посланы с сыщиком бьют и впредь похваляютца побивать до смерти» [111; 344]. Осенью 1662 г. пришло известие о непослушании солдат Андомского погоста высельщикам Гавриле Поскочину и новокрещену Андрею Тахташеву [111; 362—363]. В феврале 1664 г. в Москву было сообщено о наказании за непослушание солдатским высельщикам Харламу Мевкелеву и Афанасию Ильметеву старосты Шуйского погоста Павла Пономарёва и других солдат.

Розыск и отправка солдат на театры военных действий

Отправляя в период русско-польской и русско-шведской войн олонецких пашенных солдат на службу в полевую армию, с целью недопустить запустения крестьянских хозяйств, солдат «разбирали» на очереди, которые должны были сменять друг друга. Разборы солдат на очереди проводились в Олонецком уезде неоднократно. Их проведение было связано, во-первых, с попыткой организовать справедливый порядок высылки солдат на службу, во-вторых, обуславливалось проблемами, связанными с комплектованием полков пашенных солдат, не желавших отправляться на войну. Очередность высылки постоянно нарушалась, иногда должностными лицами, «за посулы» освобождавшими солдат от службы, гораздо чаще самими солдатами, разбегавшимися из домов, заслышав о приближении солдатских высылщиков. Кроме того, потребность армии в солдатах — взамен сбежавших, раненых или погибших — постоянно росла. Поэтому приходили всё новые и новые указы о дополнительных наборах солдат. Очередь, оставленная дома, могла быть поделена ещё на две очереди («веле-но... достальных солдат разобрать пополам» [83; 6]), одну из которых высылали на театр боевых действий. Для разрешения спорных вопросов: кто и в какую очередь должен служить, кто справедливо освобожден от службы, а кто нет, и для розыска беглых солдат в Олонецкий уезд посылались солдатские переписчики, сыщики и высылщики.

Среди переписчиков пашенных солдат известны: олонецкий воевода князь Ф. Ф. Волконский и его племянник Д. А. Волконский (1649 г.), московские дворяне И. С. Дивов (1657 г.) и С. А. Малово (1658 г.). Важные мероприятия по разбору солдат на очереди также обычно поручались московским или новгородским дворянам. Кроме разбора солдат на очереди в компетенцию некоторых переписчиков входили розыск и высылка беглых солдат на службу. Такими обширными полномочиями были наделены И. С. Дивов и С. А. Малово. Для других должностных лиц решение спорных вопросов по высылке и розыск беглых было лишь дополнительной, сопутствующей, но не главной задачей. Так, новгородский

дворянин С. К. Мякинин, будучи в Олонце в 1662 г., прямо заявил воеводе, что по наказу Б. А. Репнина велено ему в Заонежских погостах «достальных» солдат разобрать пополам и выслать первую половину на службу, а беглых солдат «сыскивати ему не указано» [83; 6]. Впоследствии из-за нежелания крестьян отправляться на службу дворянину всё же пришлось решать и вопросы, связанные с «нетством».

Дивов, составивший в 1657 г. списки имён всех пашенных солдат и драгун Олонецкого уезда, их родственников, а также «охудалых» крестьян, был обвинён в злоупотреблении своим положением. Из коллективной челобитной крестьян нескольких погостов следует, что переписчик «за посулы» вносил имена крестьян, годных для службы, в категории больных, увечных, старых и «недорослей», а старых и больных писал в солдаты. Для расследования обид, учинённых Дивовым, в 1658 г. в Олонецкий уезд был послан другой московский дворянин — Малово. Он был наделён полномочиями рассматривать жалобы крестьян и солдат на действия переписчика. Малово составил свои списки пашенных солдат, но они не сохранились. А. С. Рыжков отметил, что уже в 1660 г. думный дьяк Ларион Лопухин, получивший задание выписать из писцовых книг данные о количестве человек, записанных в солдатскую службу в Олонецком уезде, сообщил: «А сколько в Сямозерской волости [и в Лопских погостах] взято в салдатскую службу, и того в Новгородской четверти неведомо, oprичь переписки Ивана Дивова» [142; 269]. Однако нам удалось выявить в документах, что переписные книги Малово всё ещё использовались солдатскими высельщиками и в 1663 г. Кроме того, важно отметить, что несмотря на уличение Дивова в злоупотреблениях, его переписные книги не были признаны полностью недостоверными и тоже применялись для получения сведений о солдатах. Так, 12 января 1663 г. А. Г. Измайлов запросил у олонцкого воеводы князя Т. В. Мышецкого выписку из «солдатских книг» Дивова и Малово, чтобы узнать, записаны ли в них четверо жителей Ведлозерской волости Олонецкого погоста [48; 21—22]. На следующий день воевода направил А. Г. Измайлову память об освобождении всех четверых от солдатской службы, так как они были выведены на посад ещё до переписки Дивова, записавшего их, согласно подан-

ной ими челобитной, «за очи». В дальнейшем воевода велел руководствоваться переписными книгами только Малово [48; 21—22]. Значит, в 1663 г. эти книги ещё не были утеряны и использовались при высылке солдат на службу.

Главным, по-видимому, в переписных книгах Малово был сам факт записи крестьян на солдатскую службу, а не деление их на очереди, так как, несмотря на то, что ранее такое деление в части погостов проводил ротмистр Ф. И. Ласунский (1661), затем новгородский дворянин С. К. Мякинин (1662), в 1663 г. о записи крестьян в солдаты справлялись по составленным в 1658 г. книгам Малово. Позже в 1664 г. разбор солдат на службу по очередям проводили стольник П. В. Зиновьев и стряпчий Е. И. Зиновьев [109].

Что касается розыска беглых солдат, то он проводился силами начальных людей полков пашенных солдат, новокрещенов, олонечких стрельцов, пушкарей и посадских людей под руководством специально направленных в уезд сыщиков-дворян и иных должностных лиц. Кроме того, обязанность розыска беглых солдат была возложена на старост и иногда на других волостных людей.

Следует заметить, что отделить друг от друга и рассмотреть по отдельности высылку солдат, отправлявшихся на службу в свою очередь, и солдат, уже побывавших на службе и сбежавших оттуда, очень сложно. Доступные нам для изучения комплексы источников позволяют рассматривать эти два вида мероприятий только во взаимосвязи, так как большей части сыщиков вменялось в обязанность не только разыскивать, наказывать и высылать на службу «полковых беглецов», но и высылать солдат, обязанных идти на службу в соответствии с установленной очерёдностью. Тем более что проблемы возникали не только с первыми, но и со вторыми, которые зачастую, не желая служить, оспаривали свою высылку, приводя различные аргументы: жаловались на незаконную запись в солдаты, ссылались на то, что на службе их родственники, или что за них служат наймиты, или утверждали, что сейчас не их очередь служить. Заслышав о приближении высильщиков, многие солдаты, иногда вместе с семьями, уходили в лес, пережидая пока опасность быть схваченными и высланными на службу миновала: «...беглых сыскать не мошно, из домов своих с женами

и з детьми выбежали, и отцы их, и братья, и племянники, уведав государев указ, что их велено выслать вместо нетчиков на Олонец, все розбежались» [56; 53—54]. Бывало, что уходили целыми деревнями. Так, капитан Алимпий Волутин сообщал в съезжую избу: «А в деревне Вохтозеро салдаты, отцы их и братья, и племянники, и суседи, все збежали в Лопскую половину в Линдозерский погост в деревню Ачинскую» [56; 53—54].

В случаях, когда солдат розыскивали и высылали из их родных деревень на службу, зачастую они сбегали по пути к месту назначения. Таким образом, и высыльщикам-дворянам, и сыщикам из числа олонецких офицеров приходилось решать проблемы, связанные с нежеланием солдат служить их бегством и с места службы, и с дороги на службу, и из своих домов.

Ответственность за проведение розыскных мероприятий была возложена на олонецких воевод. Перед ними отсчитывались сыщики и высыльщики, направляя в воеводскую избу отписки о своих действиях, результатах розыска и проблемах, с которыми они сталкивались в ходе солдатской высылки. В свою очередь, сведения о деятельности сыщиков воеводы излагали в отписках на имя государя или других должностных лиц, в чью компетенцию входило решение вопросов по укомплектованию и использованию олонецких полков пашенных солдат.

Из Великого Новгорода в Олонец присылались государевы указы, наказные памяти, а также росписи имен «нетчиков», в соответствии с которыми олонецкие власти должны были действовать. В случае неясности, как поступать, олонецкий воевода делал запрос, высылать ли в полки родственников раненых или погибших на службе солдат и можно ли «править» деньги, полученные беглецами в виде жалования, или за «снесенные» казённые вещи и оружие на жене, детях и иных родственниках. До получения разъяснений по неясным вопросам воевода не предпринимал никаких мер, сообщая в отписке: «а без твоего указу не смел...». Также поступали и сыщики, действовавшие в погостах.

Розыск беглых осуществлялся на основании «нетных» росписей, то есть списков солдат и драгун, которые, будучи обязанными быть на службе, отсутствовали в полках или местах сбора ратных

людей. Они могли сбежать по дороге к месту назначения, с театра военных действий или скрыться от высылки в лесах вблизи родной деревни, не желая отправляться на дальнюю службу. Наличие «нетной» росписи не гарантировало спокойной жизни прочим крестьянам, чьих имён в ней не было.

Во-первых, вместо ненайденных беглых на службу высылались их родственники, соседи, поручители или, если дело касалось беглых наймитов, их наниматели (называемые в документах «хозяевами наймитов») или поручители, если больше выслать было некого. Старосты погостов, отцы, матери и дети солдат стояли на правеже или помещались в тюрьму до тех пор, пока не объявлялись беглецы или кто-нибудь вместо них [111; 273], [17; 145]. Некоторые «высылщики» применяли жестокие методы по отношению к солдатам и их родственникам. Так, стрелецкий «полуголова» Лука Издеков в марте 1662 г. в Кижском погосте «за убитых и за мертвых солдат отцев и матерей и жен и детей для своей корысти бил и мучил... на снегу босых на правежи держал, и посулы с них имал, и салдацкой матери голову отсеч хотел, и салдата де Максимка к печтке приводил и кнутом бил и жечь хотел же» [16; 144]. Правда, не все сыщики и высылщики оказывались достаточно твёрдого характера, чтобы проводить жёсткие, порой даже жестокие меры по розыску и высылке солдат на службу. Так, об одном своём помощнике С. К. Мякинин написал: «Да прислан, господа, ко мне от вас с Олонца для салдатцкого сыску и высылки новокрещен Софон Илметев. И я ево посылал от себя для салдатцкой высылки, и ево, Софона, с салдатцкую высыл[ку] не стало, потому что человек он смирно[й]. И вам бы[], господа, прислать ко мне в помочь для салдатцк[ой] высылки новокрещена Харлама Мех[келе]ва да с ним в прибавок пятьдесят челове[к] стрельцов, чтоб государеву делу и салдац[кому] сыску мотчанья не учинилось» [58; 5]. Были случаи, когда солдаты давали взятки должностным лицам за освобождение от службы. Если об этом становилось известно, на правеж ставили самих начальных людей [111; 112].

Во-вторых, в наказных памятях, как олонецким воеводам, так и лицам, непосредственно осуществлявшим розыск беглых, зачастую указывалось действовать не только по росписи, но и сверх

рописи. Иными словами, обнаружив в погосте крестьян, которые не могли достоверно подтвердить, кто они и откуда, велено было привозить этих людей в Олонец для удостоверения личности и определения дальнейшей судьбы: следует их отправлять на службу или нет.

Так, майор Устин Мещеренинов писал в воеводскую избу в Олонец, что в сентябре 1660 г. велено ему было в Оштинском и Мегорском погостах «сыскивать про всяких служивых людей, которые отбываютчи великого государя службы и перебегаютчи ис погоста в погост». По словам майора, в Оштинском погосте к нему привели шесть человек «гулящих людей», из них четверых он послал в Олонец, а один «из-за поруки ушел, а порутчиков, которые ручались по нем Ефимки, без вашего, господа, указу выслать на Олонец не смел». Далее сыщик сообщил: «Да привели ко мне драгуна Игнашка Микитина Скорохода, и Игнашко сказалсе, что-де я драгун Вытегорского погоста Алмозерской волости, а пришел на Ошту для работы». Выяснив, что в «нетных списках» у майора Малафея Бахтиярова его имени нет, Мещеренинов сообщил, что задержанный Игнашка «бил челом... об отписки к маеру к Малафею Бахтиярову, чтоб про него сыскать, не от службы ль он Игнашко бегаёт». В конце концов, Игнашко был отпущен с отпиской к Бахтиярову «для ради справки и поручная запись по нем взята». Здесь следует пояснить, что майор Бахтияров осуществлял розыск беглых именно на территории Вытегорского погоста и у него были «нетные росписи» солдат и драгун этой административно-территориальной единицы, поэтому Мещеренинов и направил драгуна Игнашку за справкой к майору Бахтиярову [66; 40—40об., 62]. Неизвестно, чем закончилось удостоверение личности Игнашки Микитина и его отношения к службе, но стоит заметить, что в переписных книгах Дивова во всём Вытегорском погосте такого имени нет.

Офицеры и иные должностные лица, осуществлявшие розыск беглых, ездили по всем населённым пунктам вверенной им административной территории, заезжая в соответствии с «нетными» росписями в каждую деревню. Насколько можно судить по документам Олонецкой воеводской избы, первоначально сыщики делали

запрос старостам погоста о наличии в их погосте беглых солдат и иных «гулящих людей». Зачастую старосты, становясь на сторону солдат, отвечали, что в их погостах ни тех, ни других нет.

Пашенные солдаты, не желая быть высланными на службу или будучи несогласными с военными разборами одних солдатских высельщиков, подчас использовали информацию о скором приезде других должностных лиц и отказывались отправляться на службу, аргументируя свой отказ тем, что этот вопрос будут решать вновь приехавшие сыщики [79], [81]. Так, олонецкий воевода в 1662 г. сообщал в Великий Новгород, что из Шунгского погоста: «...отослано к вам ...сто сорок шесть человек. А достальные, господине, беглые салдаты, которые были сысканы, и те, слыша салдатцких высельщиков перемену, что посланы на Олонец и в Заонежские погосты, Сергей Малово да Семен Мякинин, ротмистром Феоктисту Ласунскому да порутчику Гаврилу Поскочину и новокрещеном, которых мы посылали, отказали и ис погостов выслали» [81]. Важно заметить, что приезд новых солдатских высельщиков ситуацию не изменил. Спустя некоторое время из того же Шунгского погоста пришли известия, что солдаты по разбору С. К. Мякинина на службу не пошли и теперь уже новокрещены Богдан Тахташев и Пётр Зенебяков разыскивают «нетчиков» [45; 18—19].

Документы свидетельствуют о том, что сыщики вместе с отрядом стрельцов, пушкарей или солдат ездили по деревням и, если считали нужным, даже разыскивали беглецов в лесу. Иногда эту обязанность перекладывали на старосту погоста или родственников беглого солдата. Так, была оформлена порука по дьякону Юковской волости Остречинского погоста Еуплу Онаныну, который обязывался найти своего беглого брата Ипатку Онанына [62; 170—170об.].

Некоторые пашенные солдаты, жившие в порубежных деревнях, сбегали от высельщиков за границу, на шведскую сторону, и прятались там в домах своих родственников. Известны случаи, когда высельщики переходили границу вслед за беглецами и предпринимали действия по возвращению их на российскую сторону. Такие действия приводили к возмущению шведских властей, что находило отражение в официальных письмах на имя русского царя [151].

От постоянного присутствия в уезде солдатских сыщиков и высылщиков страдали не только пашенные солдаты и их родственники, но и «охудалые» крестьяне, жившие на пути проезда должностных лиц в Заонежские и Лопские погосты. В 1664 г. «охудалый» крестьянин Кинелахтинской волости Олонецкого погоста Ивашко Лаврентиев жаловался в челобитной на имя царя, что солдатские высылщики и стрельцы, приезжающие с Олонца, его «безпристанно емлют с собою, и дров весть и сена не дают, и кормы хлеб и вологу емлют, и домишко мое разорица, а детишка помрут голодною и холодной смертью». Крестьянин просил царя не велеть солдатским сыщикам его «изгонять и подвод, и кормов для нетчиков иметь», чтоб ему «сироте, до конца не погибнуть» [89]. Помета на челобитной поражает своей бескомпромиссностью: «Сыскивай салдат. А как нетчиков не будет, и подвод иметь не станут» [89]. Таким образом, буквально от каждого жителя Олонецкого уезда власти ожидали содействия в розыске беглых солдат, однако эти ожидания редко оправдывались.

Иногда от произвола солдатских высылщиков могло пострадать население сразу ряда населенных пунктов, как это произошло в трёх Лопских погостах, когда для высылки на службу к ним приехал поручик полка В. Кармихеля Богдан Головин с отрядом стрельцов. В челобитных крестьян и солдат перечислены обиды, причинённые им поручиком: избиение, издевательство, вымогательство, насилие над женщинами. А. С. Рыжков, задавшись вопросом о достоверности сведений, сообщаемых крестьянами в своих челобитных, реконструировал последовательность событий 1657 г. в Лопских погостах и показал, что несмотря на действительно имевшие место злоупотребления поручика, некоторые обвинения всё-таки были вымышлены, для чего крестьяне, по их же признанию, составили заведомо ложную челобитную [141]. Причина таких действий со стороны крестьян объясняется их нежеланием нести солдатскую службу, тем более далеко от дома.

В мае 1663 г. в государевой грамоте было велено выбрать в Заонежских погостах 2100 дворов, «с которых бы мошно служить салдатцкую службу в три перемены» [111; 455]. Для «драгунского салдатцкого розбору и устроенья» в Олонецкий уезд из Нов-

городской четверти были посланы стольник Пётр Васильев и стряпчий Елисей Иванов сын Зиновьев [111; 462—478]. Им требовалось выбрать 2250 человек драгун и 2250 солдат «семьенистых и прожиточных, добрых молодых людей, которых бы мочно великого государя служба служить». Собранных солдат следовало расписать в три перемены по 750 драгун и по 750 солдат (по 1500 человек в каждой перемене). При этом делалась оговорка, что «по большем вестям» служить надо будет всем по спискам. Жалованье им «на подъем» велено было давать в Олонце: драгунам по 4 рубля человеку, а солдатам на месяц поденно по 1 алтыну да хлеба по четверику да сухарей «без вычету» вне зависимости от места службы. Деньги им должны были дать серебром, что свидетельствует о той важности, которую правительство придавало солдатам и драгунам Олонецкого уезда. Было объявлено, что беглецы будут подвергнуты смертной казни, а вместо них на службу будут высланы их ближние родственники. Собираться им следовало по первому зову воеводы.

В первую треть были выбраны солдаты и драгуны «окологородных» погостов. Выборщикам было приказано сделать книги, в которых солдаты были бы расписаны по третям, одну копию книги оставить в Олонце, а другую привезти в Москву. На этих же солдатских выборщиков было возложено наказание солдат, оказавших непослушание. К самим выборщикам также было обещано применение суровых санкций в случае непослушания: опала, жестокое наказание, ссылка, возмещение убытков в тройном размере, «бесповоротная» конфискация имущества [111; 463—478].

Выборщики прибыли в Олонец 5 октября 1663 г. Ещё до их прибытия Чоголков получил грамоту с указанием в первую перемену прибрать солдат ближних погостов, во вторую — «средних» и в третью — дальних [111; 485]. Правда, какие именно погосты входили в каждую из обозначенных перемен, в документе не было прописано. Из более позднего документа выяснилось, что в первую треть записывались солдаты Олонецкого, Важенского, Веницкого и Остречинского погостов [111; 680]. При этом солдат велено было писать «наспех» [111; 491—493], настолько велика, видимо, была потребность в военной силе на театрах боевых действий.

23 октября 1663 г. солдат первой трети велено было отправить водным путём в Великий Новгород, а затем по первому зимнему пути в полк к И. А. Хованскому [111; 499—502]. Жалованье солдатам было велено дать на месяц, а драгунам только половину — по 2 рубля, остальное обещалось дать в полку [111; 503—507]. Тем не менее когда 1 ноября выборщики представили в Олонек книги с именами солдат и драгун первой трети и воевода «пересмотрел» их в Олонце, солдаты заявили, что «ныне им на... службу подъятыца некоторыми мерами не на чем и нечим, потому что служыли-де оне многие годы без съезду и с... службы пришли оне к домишком своим недавно... и будучи на многих... службах беспеременно одолжали и осиротали и деревеньские участки запустели и у многих не паханы...» [111; 515]. Также эти солдаты ближних погостов заявили, что в отличие от них солдаты, которые жили от Олонца в дальних погостах — Кижском, Шунгском, Андомском, Пудоожском и Кузарандской волости, и иных погостов на «службу по многие годы по высылкам не бывали, чинились непослушны и от высылщиков отбивались» [111; 515].

Кроме того, выяснилось, что в Олонце в казне денег нет и выдать жалованье солдатам воевода не может, а солдаты без жалованья идти на службу отказались, заявив, что и «лошадей у них нет, и запасов припасать не из чего». Проблема была и с обеспечением вооружением. Начальные люди сообщили, что из оружия в Олонце только 1000 мушкетов и солдатам этого количества не хватит, да и Олонек нельзя было оставить без запаса оружия. В результате по 6 ноября солдаты первой трети так и не пошли на службу [111; 516].

В результате высылка солдат первой трети на службу так затянулась, что отправить их водным путём оказалось уже проблематично. 28 ноября 1663 г. воевода Чоголоков сообщал, что мелкие речки уже «стали», да и судов, как выяснилось, у солдат нет, а которые есть малые суда и тем требуется ремонт, который до весны осуществить невозможно. По суше, по словам воеводы, солдаты тоже идти не могли из-за нехватки лошадей, а также из-за болот и грязи [111; 524—527]. В ответ 2 декабря Чоголоков получил грамоту с указанием выслать солдат по первому зимнему пути «безо всякого мотчанья» [111; 534—535]. Чуть ранее ему было велено

дать солдатам перед отправкой на службу жалованья «по немногу» [111; 532—533]. В итоге 22 декабря воевода всё-таки выслал на службу 442 драгуна, выдав им жалованья по 1,5 рубля человеку, и 371 солдата с месячным жалованьем по 30 алтын человеку. Полное количество солдат — 1500 человек, по словам воеводы, собрать будет невозможно, потому что те солдаты, которые «за разбором остались, те стары, и худы, и бедных много», а многие «бегают» [111; 539—542]. Положение солдат действительно было бедственным. Об этом свидетельствует отписка Чоголокова, поданная 5 января 1664 г., из которой известно, что солдатам, у которых хлеб «не родился», дать «для их скудости» из казны «займы с порукою» по четверику ржи. Такая помощь была оказана 140 человекам, но с условием, чтобы они заплатили за этот хлеб до 1 сентября 1664 г. [111; 536]. Тем не менее объяснения воеводы не удовлетворили правительство и Чоголокову было велено выслать в Новгород всех солдат первой трети «до одного человека» [111; 543—545]. Следует отметить, что в Новгороде в это время в казне тоже не было денег на выдачу солдатам жалованья [111; 548].

В начале января 1664 г. часть солдат и драгун всё-таки прибыла в Новгород, но, как это уже стало обычным явлением, по дороге сбежало 134 драгуна и 163 солдата [111; 552—554]. Из-за непрекращающегося бегства Чоголокову в марте 1664 г. было указано за побег «чинить» смертную казнь «безо всякие пощады», а не «легкое» наказание кнутом [111; 556—557]. Правда, иногда солдаты, внесённые в «нетные списки», объявлялись сами. Так, в феврале в Новгород пришли 118 драгун и 37 солдат, которые были написаны «в нетах», и объяснили, что шли «окольными дорогами», и поэтому отстали [111; 559].

5 мая 1664 г. снова возникла переписка по вопросу сыска беглых солдат. По отписке Репнина по «нетным спискам» числилось 305 человек. В погостах был учинён розыск, по результатам которого Чоголоков сообщил в отписке о том, что, по словам старост, многие солдаты пошли на службу другими дорогами, а те, которые сбежали, дома не появлялись. Также в отписке написано, что беглые солдаты жили по разным уездам, называя себя корелянами [111; 576—577]. 27 июня 1664 г. из полка И. А. Хованского сбежали 273

олонецких солдат. Те из них, кого удалось поймать, заявили, что бежали от «хлебной нужи и от голоду» [111; 581—583].

25 июля 1664 г. Чоголоков сообщил, что в июне в Олонец в съезжую избу пришли 51 человек солдат и драгун и рассказали об обстоятельствах своего бегства со службы. Оказалось, что, будучи в полку И. А. Хованского, эти солдаты участвовали в бою «с литовскими людьми» в семи верстах от Витебска и в том бою «олонецких драгунов и салдат многих побили и у них драгунов и салдат ружье и рухлядь и хлебные запасы отбили. И оне с того бою к Витепску бежали и метались в Двину реку и досталное де платишко с собя сметали в воду, а в Витепски... жалованья им и корму не дали. И не стерпя... оне голоду и от бедности после бою... побежали». Теперь, сказали солдаты, им обратно идти не с чем без жалованья, а дома их разорены и ныне они «обедняли и стали наги и босы» [111; 600—602]. Однако в ответ Чоголокову пришла грамота с указанием не верить солдатам, что они после боя сбежали, по мнению правительства, «своровали они, побежали з бою и многое дурно от их побегу учинилось, а кормец им велети б есте дать по рассмотренью». Таким образом, хоть и было прежде велено за побег чинить солдатам смертную казнь, на практике это осуществлялось в единичных случаях, потому что бегство было массовым. Что касается корма, то солдатам, бежавшим после боя, было велено выдать жалованье по полтине человеку, а тем, кто бежал по дороге до боя, велено было ничего не давать [111; 638].

Несмотря на массовое бегство солдат первой трети, 20 июля 1664 г. Чоголокову было велено из тех солдат, которые могут служить, учредить четвёртую перемену, а остальных написать в тягло. Если четвёртую перемену организовать невозможно, то этих солдат высылать на службу вместо беглых [111; 597].

Подробности о тяготах солдатской службы выясняются из челобитной олонецких драгун и солдат, поданной также после боя, произошедшего 7 июня 1664 г. недалеко от Витебска. Солдаты написали, что служили они с двора по два, три и четыре человека, а «одинокие» все «без выбору». И служили они под Витебском, в Полоцке, под Брестом, Юрьевом Ливонским, Корелой, Орешком, Ляховичами, в Черей и в Кушликовых горах, в Полоцке и в Десне

сидели два года, в Юрьеве Ливонском в осаде находились четыре года. И потом выборщики вновь написали их на службу в первую перемену, и служили они в полку Хованского, а после боя «с польскими и литовскими людьми и с войском Жмойским» 7 июня 1664 г. на реке Лучесой в пяти верстах от Витебска, где многие погибли, а у драгун лошади все «перепали», солдаты сообщили, что они «самы тако ж с того бою сошли только душами да телом, наги и босы и голы... и ранены». Хованский после того боя оставил их в Витебске, и солдаты просили переменить их второй третью, так как у них не было денег, потому что после Олонца жалованья они больше нигде не получали [111; 616—617].

30 сентября 1664 г. Чоглоков получил государеву грамоту с указанием переменить солдат первой трети солдатами второй трети [111; 628], а воеводе П. А. Долгорукому было велено из Витебска до прихода солдат второй трети никого не отпускать [111; 630]. Всего по официальным спискам убитых, утонувших и без вести пропавших солдат первой трети числилось 229 человек [111; 639].

Командующим второй третью, включавшей солдат разных погостов Водлозерского и Оштинского станов, был назначен полковник Я. Трейден [111; 575]. В связи с высылкой на службу солдат второй трети снова возникла проблема с выдачей солдатам жалованья, так как денег в олонечкой казне по-прежнему не было. Их хватало только на выдачу жалованья начальным людям [111; 634—635]. Как и ранее, солдатам не хватало и оружия: в олонечкой казне было всего 700 мушкетов [111; 650]. Повторилась и проблема с нежеланием солдат второй трети отправляться на службу. Воевода сообщал, что солдаты от высильщиков «бегают ис погоста в погост и по лесом укрываютца», а к родственникам, жёнам и детям, томящимся в тюрьме «не идут» [111; 646].

Тем не менее 15 декабря 1664 г. Чоглоков получил грамоту с указанием выслать солдат второй перемены на службу к весне 1665 г., а с ними было велено выслать солдат, которые «до бою» сбежали из полка Хованского [111; 664—665]. 2 февраля было велено выслать солдат второй трети «по нынешнему по зимнему пути» [111; 691—692]. Однако в апреле 1665 г. солдаты второй трети просили выслать их позже, водяным путём, когда вернутся многие солда-

ты, которые ушли на промыслы «к морю по соль и под извозы на Вологду и на Белоозеро и в Каргополь» [111; 676—677]. 15 мая в Олонец была прислана грамота о незамедлительной высылке солдат и драгун второй трети в полк Хованского [111; 686]. Однако по 13 июля 1665 г. солдаты второй трети так и не прибыли к месту назначения. При этом сам Хованский уже и не надеялся на подкрепление из олонецких солдат. Он писал: «А которые солдаты и высланы будут, и ис тех болшая половина разбегутца до Новагорода» [111; 690].

Таким образом, очевидно, что олонецкие пашенные солдаты, изначально предназначенные исключительно для несения пограничной службы недалеко от своих родных мест, были не годны для участия в боевых действиях, которые велись на территории других государств. Это было непосильно для поселённых солдат, обязанных заниматься крестьянским трудом, и даже назначенное им жалованье за участие в боях и осадах не могло решить проблему бегства со службы.

Глава 3

ОТОРМЛЕНИЕ ПОРУЧНЫХ ЗАПИСЕЙ

Бороться с «нетчиками» пробовали разными способами, рассмотренными выше: наложением денежных штрафов, телесными наказаниями и даже казнями. Наказывали не только самих беглых солдат, но также их родственников и людей, оказывавших им содействие. Об этом говорилось, в частности, в государевой грамоте, полученной воеводой Т. В. Мышецким в январе 1663 г. для оглашения «на Олонце». В документе указывалось применять смертную казнь для лиц, укрывавших беглых, их жён и детей требовалось ссылать в Сибирь, а имущество и дворы конфисковывать [58; 1].

Ф. И. Калинычев изучил разные виды уклонения от службы различных категорий служилых людей в рассматриваемый период, но нас интересует только два вида: побег со службы всяких чинов ратных людей — казаков, иноземцев, стрельцов, даточных (ст. 8, 9 гл. VII Соборного Уложения 1649 г.) и побег с поля сражения: «А будет который служилый человек, будучи на государеве службе, з бою збежит к себе в дом», за это ст. 19 гл. VII Соборного

Уложения 1649 г. устанавливала нещадное наказание кнутом и убавку поместного оклада [122; 149].

Далее Ф. И. Калинычев привёл перечень мер наказания ратным людям за совершённые ими преступления: смертная казнь, членовредительные и телесные наказания, тюремное заключение, ссылка в Сибирь и наказания финансового характера: конфискация имущества и наложение денежных штрафов [122; 151—155]. Самыми распространёнными за воинские преступления были телесные наказания, главным образом кнутом и батогами. Число ударов при наказании кнутом законом не определялось, в результате чего, по словам Ф. И. Калинычева, смертельный исход был явлением вполне обычным [122; 153]. Битье батогами различалось простое и «нешадное», однако так же, как и в случае с наказанием кнутом, формального различия между ними не было и все зависело от лица, исполнявшего приговор. Батоги применялись не столько как наказание уголовное, по суду, сколько как мера дисциплинарного взыскания начальствующими лицами [122; 153].

Тюремное заключение за воинские преступления обычно назначалось в соединении с кнутом, батогами или имущественным взысканием. Различались следующие виды тюремного заключения: срочное тюремное заключение — от одного дня до четырех лет, бессрочное — «до государева указу», «на сколько государь укажет» или до представления поручительства [122; 153—154]. Ссылка в Сибирь назначалась и в качестве самостоятельного, и в виде дополнительного наказания, а также применялась как замена других видов наказаний (например, смертной казни). За уклонение от службы ссылке подвергались ратные люди разных категорий, но особенно стрельцы, солдаты, драгуны и казаки. Вместе с винным ссылке подлежала и его семья — «жена и дети» [122; 154].

Отмечая особую жестокость наказаний к ратным людям, набранным из крестьян и посадских, Ф. И. Калинычев писал, что в некоторых случаях правительство должно было делать отступления в карательной политике в интересах сохранения необходимых контингентов войск, так как в случае реализации всех угроз издававшихся в тот период указов и различных статей, хотя бы по делам об уклонении от службы, пришлось бы предать смертной каз-

ни такое количество людей, которое составило бы не одну дивизию тогдашнего войска. Поэтому, как уже выше было показано на примере отношения властей к олонецким беглым солдатам, правительству нередко приходилось наказывать «выборочным порядком», заменять смертную казнь другими мерами (ссылкой, телесными наказаниями) или ограничиваться объявлением предупреждений с угрозами [122; 156—157].

Гарантией того, что ратные люди не сбегут со службы, в XVII в. считалось оформление по ним поручительства нескольких лиц, которые в случае нарушения солдатом условий поруки должны были уплатить «государеву пеню», а одному из поручителей пришлось бы занять место этого солдата на службе. В соответствии с этим общим обязательным правилом олонецкие солдаты также высылались на службу за поруками волостных или посадских людей. Делалось это для того, чтобы санкции, определённые в поручных записях, удерживали солдат от побегов. Порука давалась также и по лицам из числа волостных людей, сопровождавшим группу солдат до Олонца [62; 135—135об., 158—158об.].

Институт поручительства издавеле применялся в крестьянском сообществе в целях разрешения различных конфликтов, с одной стороны, выручая членов сообщества перед государством, с другой — гарантируя государству чёткое исполнение его требований. Использование поруки как гарантии исполнения определённых обязательств было распространённым явлением и в XVII в. Процедура оформления поручных записей, а также ответственность поручителей и объектов поручительства описаны в десятой главе Соборного Уложения 1649 г. Применять поруку по отношению к беглым солдатам предписывалось рядом царских указов. Так, 26 апреля 1655 г. в указе «О смотре ратных людей, о походе против Короля Польскаго и о наказании кнутом укрывающихся от службы» сказано: «А которые люди учнуть избегать и укрываться, и на Государеву службу тотчас не поедутъ; и темъ на Москве и в других городехъ чинить наказанье, бить кнутом безъ пощады, и выслать на Государеву службу съ приставы и за поруками» [4].

Суть поручительства в рассмотренных нами случаях высылки пашенных солдат на службу сводилась к следующему. Несколько чело-

век, чаще всего ближайших родственников солдата, поручались в том, что он, отправившись на службу, не совершит побег ни по дороге в пункт назначения, ни после, с места несения военной службы, а также «оружия не снесет» и с жалованием не сбежит. В случае бегства солдата поручители обязывались, во-первых, уплатить штраф, так называемую «пеню великого государя», а во-вторых, один из них должен был занять место сбежавшего, то есть стать солдатом и пойти служить, «куда укажут». По словам исследователя института древнего русского поручительства С. Я. Капустина, именно чувство нравственного, морального долга поручаемого перед своими поручителями, которыми очень часто становились его ближайшие родственники, служило гарантией исполнения условий поруки [123; 20]. Именно поэтому, по мысли властей, поручительство должно было стать действенной мерой, препятствовавшей дезертирству. По крайней мере, поручительство должно было служить гарантией того, что место сбежавшего солдата займёт другой человек, его поручитель, и войско в любом случае будет укомплектовано достаточным количеством ратных людей.

На практике система поручительства была эффективной далеко не всегда, даже несмотря на то, что случаи, подтверждающие ответственность санкций поруки, имели место. В 1660 г., руководствуясь, вероятно, именно чувством нравственного долга, беглые пашенные солдаты Офонка Софонтиев и Онашко Семенов Догутаев, узнав о высылке своих поручителей, в том числе отца одного из них, давших некоторое время назад поруку за них, обратились к воеводе с просьбой: «Вели, государь, поручиков наших Левку Кирилова да Сенку Юрьева и отца моего Софонтия отпустить з города Олонци к домишкам в Оштинский погост, и чтоб, государь, тех поручиков наших и отцов высылщики на Олонец не высылали, а нас холопей твоих вели, государь, с Олонци отпустить на твою великого государя полковую службу» [72; 7]. Рассмотренный документ демонстрирует именно тот случай, когда сработал механизм поручительства, подразумевавший нравственные отношения и чувство моральной ответственности объекта поручительства перед своими поручителями. И это несмотря на то, что эти два солдата, безусловно, очень устали от службы, что следует из их

слов: «И мы холопи твои на твоей великого государя службы были до Ляховитцкого бою... А ныне, государь, с полков на Олонец при-волоклися» [72; 7]. На челобитной солдат была сделана помета: «Самех послать на службу, а поручиков и отца отпустить» [72; 7об.].

Однако так было далеко не всегда. Во-первых, нежелание крестьян нести солдатскую службу было слишком велико, а поручителями не всегда выступали ближайшие родственники солдат. Во-вторых, в Олонецком уезде, в котором практически всё взрослое мужское население было записано в солдаты, было невозможно найти достаточное количество «добрых» поручителей из «лучших людей» по ним по всем, так как многие «добрые» «лучшие» люди сами были солдатами. Получается, что когда на службу отправлялись солдаты «первой очереди», солдаты «второй очереди» поручались за них, и наоборот. Однако случались «накладки». Когда солдаты первой очереди сбегали, на службу должны были высылаться их поручители. При этом поручители могли уже быть высланы на службу вместо кого-либо из своих родственников. Кроме того, когда наступало время идти на службу солдатам «второй очереди», оказывалось, что они или разбежались из своих домов, или уже высланы на службу как поручители или родственники беглых. Ситуация становилась такой запутанной, что высылщики и сыщики искали всех и самих «нетчиков», и их поручителей, и их родственников и соседей. Если за кого-то служил наймит и сбежал, то искали и самого наймита, и его «хозяина», и поручителей, и родственников и того, и другого. Бывало так, что служить высылали всех разысканных лиц и уже после, по их челобитным, начиналось разбирательство, кто за кого должен был служить и чья наступила очередь.

Не редкостью были случаи, когда по результатам сыска поручители оказывались старыми, увечными, больными или «охудалыми» крестьянами, которых нельзя было выслать на службу. Тот факт, что среди поручителей было много старых и увечных, легко объясняется: за солдат часто давали поруку их отцы, которые к службе не годились по возрасту или состоянию здоровья.

Из тысяч поручных записей, которые должны были оформляться при высылке пашенных солдат на службу, в фонде Олонецкой во-

еводской избы сохранилось лишь сто восемьдесят семь, что делает их ещё более ценными для изучения*. В ходе исследования нами установлено, что выявленные поручные записи могут быть распределены на пять типов по своему содержанию — это порука:

- ❖ По солдатам, высылаемым на службу в свою очередь.
- ❖ Круговая порука группы солдат.
- ❖ По сысканным беглым («нетчикам»).
- ❖ По лицам, высылаемым на службу вместо беглых солдат.
- ❖ По наймитам.

Конечно, сто восемьдесят семь поручных записей не могут претендовать на достоверное представление процентного соотношения как самих видов оформляемых поручительств, так и выяснения вопроса, кто чаще давал поруку по солдатам: отцы, братья или другие волостные или посадские люди, а также кто чаще высылался на службу вместо беглых. Более информативным источником для получения такого рода сведений являются росписи солдат, высылаемых на службу, в которых напротив имени встречаются пометы, кто за кого шёл служить: отец за сына, брат за брата, дядя за племянника и другие варианты, также указывалось, за кого на смотр и высылку явились наймиты. Таким образом, сопоставляя данные разных видов источников, полагаем, что мы получили близкие к достоверным сведения о порядке отправки пашенных солдат на службу.

В фонде «Олонецкая воеводская изба» сохранились поручные записи по солдатам в основном за период с 1660 по 1663 г. Именно в это время, когда только недавно закончилась война со Швецией (1656—1658) и в условиях многолетнего продолжения русско-польской войны (1654—1667), количество беглых пашенных солдат достигло беспрецедентных масштабов. Об этом, в частности, написал Г. М. Коваленко: «В 60-е гг. начался массовый, организованный отказ крестьян идти на службу. Бегство каралось смертной казнью, даже за укрывательство беглых грозила смертная казнь с конфискацией имущества и высылкой семей в Сибирь. Но положение пашенных солдат было таким тяжелым, что никакие

* А. Ю. Жуков опубликовал перечень 201 поручной записи, выявленной им в фонде 210 «Разрядный приказ» (РГАДА) [121; 165—184].

угрозы не были им страшны и все меры правительственной администрации были бессильны» [124; 76].

В то же время потребность армии в обученных военному мастерству людях была настолько велика, что в Олонецкий уезд в эти годы посылалось особенно много солдатских сыщиков и высельщиков, которые при помощи стрельцов и пушкарей должны были разыскать и снова выслать на службу тех, кто числился в списках беглых и «нетчиков». То, какую важность правительство придавало данным мероприятиям, очевидно хотя бы из количества солдатских высельщиков. Если раньше такие уполномоченные лица приезжали по одному, иногда по двое, как, к примеру, И. С. Дивов (1657), С. А. Малово (1658), Б. В. Головин (1657), то в 1660—1663 гг. многочисленные сыщики действовали в каждом погосте. В основном, это были новокрещены или военнотружущие олонецких полков в чине капитанов или майоров; поставленную задачу они выполняли совместно с офицерами более низкого ранга. Новокрещены, участвовавшие в мероприятиях по сыску и высылке солдат на службу, были присланы из Новгорода в Олонец с жёнами и детьми «на вечное житъе» и, согласно сметам доходов и расходов Олонецкого уезда, получали жалованье по установленному окладу за свою работу [104]. Вероятно, новокрещены, не знакомые с местным населением, не связанные с солдатами никакими личными отношениями и получавшие жалованье, более бескомпромиссно выполняли свои обязанности по высылке солдат на службу, нежели начальные люди олонецких полков. Так, полковник Я. Трейден в 1660 г. даже специально просил посылать сысканных солдат на службу в сопровождении новокрещенов, а не находившихся у него в подчинении начальных людей [111; 168].

Всего в документах фонда «Олонецкая воеводская изба» нами выявлено 29 имён должностных лиц (не считая стрельцов, пушкарей, приставов, волостных посыльщиков), участвовавших в высылке пашенных солдат и драгун на службу и розыске «нетчиков».

Среди них офицерами в различных чинах являлся 21 человек. Так, осенью 1662 г. олонецкий воевода в своей отписке на имя царя о результатах сыска беглых солдат сообщал, что «для збору и высылки салдат» в Заонежские погосты были посланы ротмистры

Второй Елагин и Феокист Ласунский, капитан Автамон Кудрявого, поручики Гаврила Поскочин и Матфей Полозов. Кроме того, в Пудожский, Андомский, Водлозерский, Шальский погосты и в Пещанскую волость были посланы новокрещены Илья Зенебяков и Калина Мевкелев; в Вытегорский, Мегорский, Оштинский, Остречинский, Важенский погосты и в Шимозерскую волость — новокрещены Иван Мевкелев и Ефтефей Ахманов; в Шуйский, Кижский, Выгозерский погосты и в Кузарандскую волость — новокрещены Харлам Мевкелев и Пётр Зенебяков; в «олонецкие околородные деревни» — новокрещены Богдан Тахташев и Агафон Ильметев [83]. Из других документов узнаём, что двумя годами ранее в Мегорском погосте действовал высельщик майор Устин Сергеевич Мещеренинов [68], в Вытегорском — майор Малафей Тимофеевич Бахтияров [56; 69—69об.], в Линдозерском — прапорщик Макарей Микитин сын Брюхов [66; 37—37об.]; в Выгозерском и Шуйском — поручик Микифор Петров [56; 96—96об.], в Олонецком — капитаны Анц Шульц [56; 37—37об.], Алимпий (Алексей) Волутин [56; 53—54] и Фёдор Дрейзен [66; 32—33], в Святозерской волости — прапорщик Любим Салтанов [66; 43—43об.].

Также среди лиц, занимавшихся высылкой солдат на службу, встречаются имена посадских людей (Иван Омелянов [80; 1—17об.], Анисим Найкоев, Анисим Назарьев [79]) и подьячих (Иван Черкасов [74], Степан Ижорин [46]).

В 1663 г. разбором солдат на три перемены занимались стольник Пётр Васильев и стряпчий Елисей Иванов сын Зиновьев [111; 462—478].

Все солдатские высельщики регулярно отчитывались о результатах своих действий и посылали в Олонец отписки, в которых сообщали о том, кого из числа беглых удалось разыскать и выслать в Олонец, кого нет и по каким причинам, кого из родственников или соседей выслали вместо беглецов, вместо кого на службу отправлены наймиты. К отпискам часто прикладывались «ропросные речи» и «сказки», составлявшиеся на основании опросов старост и волостных людей или беглых солдат.

При этом воевода требовал брать сказки о погибших только у солдат, пришедших из тех же полков и видевших то, о чём они говорили, своими глазами. Именно так указано поступать подьячему Ивану Черкасову в ноябре 1660 г., посланному в Шуйский, Кижский, Шунгский, Выгозерский погосты и Кузарандскую волость для сыска и высылки беглых солдат на службу: «А в которых будет погостех и в волостех старосты и сержанты, и волостные люди учнут сказок... приносить и те, которые салдаты будучи на государеве службе побиты и померли или отставлены в городех на осад, и тем их старостиным и волостных людей скаскам не верить, потому что оне сами в полках не были, а скажут оне норовя тем беглым салдатом и укрывая их от высылки. А допрашивать в тех погостех о побитых и о умерших полковых салдатех, которые побиты и померли в полках тех же погостов салдаты, полковых беглецов, которые пришли ис полков... где хто убит и умер, на которых боех, или которые в городех оста[вле]ны для осаду, и хто имяны, и которых волостей, а оне беглые салдаты сами [т]ут были ли и смерть их видели ли» [74]. При этом воевода велел допрашивать тех полковых беглецов перед собою порознь, чтобы они «стакався вместе по свойству и по дружбе, и для своей корысти живых в мертвые не сказывали» [74]. Достоверными сказки солдат считались только в том случае, если они «в одне речи, про которых мертвых или на осаде в городех оставлены скажут», а также в том, если они «сами там были и смерть их видели». Если проверка проходила успешно, в место «побитых и осадных салдат» их отцов, братьев, сыновей, племянников и соседей до государева указа в Олонец и в полки велено было не высылать, и «в том им налог и утесенья не чинить» [74]. Самих солдат, со слов которых записывались сказки, если они были беглыми, требовалось выслать на службу.

Однако не всегда высильщики предоставляли в избу правдивую информацию. Довольно часто эти должностные лица злоупотребляли своим положением, за взятки не отправляли на службу того, кого следовало, вместо них высылали недорослей, в том числе из «охудалых» крестьян, увечных и больных, дальних соседей. Иногда солдатские высильщики сами ненароком «проговаривались» в отписках о своих злоупотреблениях и уличались в том

олонецким воеводой. Так, в памяти, посланной 8 сентября 1660 г. капитану Фёдору Дрейзену, занимавшемуся розыском в Олонецком погосте, воевода упрекал офицера: «Да ты ж под отпискою своею прислал скаски о побитых и о умерших салдатах, а иманы те скаски у беглых салдат, а салдаты, которые скаски давали, на Олонец не присланы. А в отписке своей пишешь, что некоторыми мерами самех салдат сыскать не мошно, и та твоя понаровка по твоему писму видна» [66; 1—1об.].

В целях предотвращения злоупотреблений сыщиков и высильщиков почти в каждой памяти, приходившей из Олонца, им напоминалось о необходимости «государеву делу радеть» и «посулов не имать». Также в каждой памяти указывалось высылать солдат в Олонец «за порукою», «за крепкою порукою» или «в крепостях» с волостным посыльщиком или нарочным приставом и в сопровождении отряда стрельцов.

Тем не менее в огромном количестве случаев порука нарушалась. Солдаты сбегали. При этом часто они возвращались в родные деревни и родственники их не выдавали. Как пишет Р. Б. Мюллер, это было возможно только при поддержке всего населения, сочувствовавшего крестьянам, вынужденным нести солдатскую службу [132; 134]. Однако вопреки массовому нарушению условий поручных записей, власти продолжали давать указания высылать солдат в Олонец и на службу именно за порукою.

Обычно поручителей было от двух до пяти человек, а поруку допускалось оформлять за одного, двух и более солдат в одном документе. При этом, несмотря на то, что исполнение объектами поручительства своего долга гарантировалось их поручителями и в случае нарушения условий поруки поручители должны были вместо тех, за кого они ручались, исполнить их обязательства, в рассматриваемых случаях — отправиться на солдатскую службу, представители власти нестрого подходили к личностям поручителей. Так, в документах Олонецкой воеводской избы нами выявлены факты, когда некоторые крестьяне, солдаты или посадские люди становились поручителями по выславшимся на службу солдатам более десяти раз. Совершенно ясно, что если условия сразу нескольких поручных записей были бы нарушены (а судя по

количеству беглых, это происходило часто), то эти несколько поручителей не смогли бы заменить собой всех сбежавших солдат, тем более что, как выяснялось позже, некоторые поручители и вовсе были не годны для службы.

Так, в сентябре 1660 г. майор Устин Мещеренинов «спрашивал и обыскивал всякими сыски в Оштинском погосте про поручиков наймита Оштинского погоста Ондрюшки Оникиева». И вот что сообщили сыщику старосты: «А порутчики ево Ивашко Сурнин стар, а Богдашко Парфеев увечен ногой, на государеву службу их выслать немочно. А Ондрюшка Федоров збег безвестно». И только один, четвёртый, поручитель Ивашко Зуев был взят и отправлен в Олонец [55; 90—90об.]. При этом, по данным старост, наймит Ондрюшка «и теперь на государеве службе, а домой он Ондрюшка не бывал». Не исключено, что пытаясь доказать, что наймит на службе, старосты таким образом хотели защитить поручителей наймита от высылки в Олонец. Однако заверения старост, что наймит дома не появлялся, явно было недостаточно для сыщиков, действовавших согласно «нетным» росписям.

Случаи, когда поручители оказывались не годны для службы, не были редкостью. В том же Оштинском погосте Устин Мещеренинов разыскивал ещё одного солдата — драгуна-нетчика Сергушку Микитина. Как и в приведённом выше примере, старосты заявили: «А сосед и порутчиков взять некого, потому что высланы на государеву службу, а иные стары и увечны» [55].

Понимая суть проблемы — на всех солдат поручителей не хватало, правительство разрешало применять так называемое круговое поручительство. Среди 25 круговых поручных записей, выявленных в фонде «Олонецкая воеводская изба», встречаются поруки групп солдат от пяти до 26 человек. Исключительным документом предстает известная нам круговая поручная запись 58 солдат Мегорского погоста. Цель круговой поручной записи была та же, что и в других случаях: обеспечение гарантии того, что все солдаты, поименно перечисленные в документе, явятся на службу в указанный пункт назначения. При оформлении круговой поруки солдаты сами становились поручителями друг по другу без привлечения каких-либо третьих лиц, не считая «послухов» и людей,

«прикладывавших руку» к документу, подтверждая истинность его содержания.

Несмотря на строгие условия кругового поручительства, побег солдат, заключивших такую поруку, тоже случались. Так, 15 октября 1660 г. 14 солдат Важенского погоста поручились в том, что все они пойдут на службу в полк И. А. Хованского. Помимо обычных обещаний, что поручившиеся не сбегут, оружия не украдут, порчи государеву имуществу не причинят, «жалованья убогом не снесут» и прописанной формулы ответственности всех за каждого на случай побега, было добавлено, что «на сбежавших пеня вдвое» [56; 41—41об.]. Главным отличием круговой поруки от прочих видов поручительства было то, что единственным наказанием для товарищей сбежавшего могло быть взыскание пени в двойном размере, так как никто из них, сам находясь на службе, не мог заменить беглеца собою. Тем не менее денежное взыскание тоже было серьезным наказанием для солдат из небогатого Олонецкого края. Однако не принимая во внимание ни угрозу неприятных последствий для самих себя, ни тот факт, что побег одних приведёт к наказанию других, трое солдат из упомянутых четырнадцати по дороге в Олонец всё же сбежали [56; 40].

Изучение поручных записей по солдатам, выславшимся на службу в свою очередь, или по беглым солдатам и их родственникам показывает, что имя первого из перечисленных поручителей часто принадлежало отцу нетчика. За ним следовало ещё одно или несколько имён, среди которых могли встретиться имена родных братьев.

Так, крестьяне Сямозерской волости Олонецкого погоста в августе 1660 г. сообщали в избу: «Се аз Адрюшка Андреев сын Лутуков да яз Агейко Андреев Самозерские волости. Поручилися есми в государеву казну Самозерские волости по салдате по Сенки Андрееве. Стати ему Сенки за нашу порукою на великого государя службу в полках боярина и воевод князя Ивана Андреевича Хованского с товарищи вместо брата своево беглово салдата Никифорка Андреева...». Мы предполагаем, что все четыре упомянутые в документе лица являются близкими родственниками: поручители — это отец и сын, один из которых ручается за явку

своего сына, другой, соответственно, — за брата. Как видно, сам поручаемый обязуется пойти на службу вместо другого своего родного брата, оказавшегося в списке беглых. Сопоставление собственных имен из рассмотренного документа со сведениями переписных книг Дивова подтверждает нашу гипотезу. По одному из населённых пунктов Сямозерской волости — деревне Мегрьнаволоок — указаны все перечисленные лица. На момент переписи 1657 г. Агейко Андреев служил в Юрьеве Ливонском [105; 529об.], Никифорко Андреев* был только что записан на службу [105; 300], а о Сенке Андрееве констатируется, что он «сшол безвестно во 164 году» [105; 615], то есть в 1655/56 г., как раз накануне приезда переписчика в Заонежские погосты. Андрюшка Андреев, как мы и предположили, был солдатским отцом [105; 864об.].

Рассмотрение ситуации, сложившейся в этой семье на основе сопоставительного анализа двух источников, позволяет увидеть, как за три года поменялись судьбы этих крестьян: Сенка Андреев, находившийся ранее неизвестно где, объявился или был найден, и вот он уже вынужден отправиться на службу вместо своего брата, теперь уже беглого солдата, Никифорки, который был записан на службу всего лишь три года назад. Служивший в 1657 г. в Юрьеве Ливонском Агейко Андреев, вероятно, в 1660г. был временно освобожден от службы, как и все «юрьевские сидельцы» — на три года [111; 149об.], поэтому его не могли отправить на службу вместо беглого брата. Кстати, в 1664 г. Агей Андреев в документах уже значится в должности старосты Сямозерской волости [111; 573—574].

В процессе изучения поручных записей по сысканным беглым солдатам удалось выяснить, что в преамбуле этих документов обычно говорилось, что поручители «выручили» беглого солдата у стрельца или пушкаря. Иными словами, беглый мог быть пойман представителем власти и после по нему давалась порука в том, что он явится в Олонец или пойдет на службу в определённый полк. Какой стороной выдвигалась инициатива оформления такой поручной записи? Ответ вроде бы очевиден: сыщики, вооружённые указанием олонецкого воеводы высылать беглых солдат «за порукою», находили нескольких волостных людей, которые не

* В книгах Дивова он записан под именем «Микифорко Андреев».

без определённой доли принуждения давали свою поруку по разысканному нетчику. Однако вполне представима ситуация, когда родственники, узнав о поимке близкого человека, сами принимали решение поручиться за него, чтобы избавить от содержания в неволе и конвоирования в Олонец стрельцами или пушкарями связанного верёвками или в кандалах.

Именно в этом С. Я. Капустин видел различие между формулировками «прислать за порукою» и «прислать с приставом». Первая подразумевает свободное перемещение до пункта назначения, вторая — под конвоем пристава, которому к тому же надо было оплатить «езд» (зачастую в двойном размере) от места жительства провинившегося до пункта, где должен был состояться суд или, как в данном случае, смотр или сбор солдат [123; 18].

Что касается того варианта поручных записей по солдатам, где нет указания на должностных лиц, у которых объекты поручительства были бы выручены, то полагаем, здесь речь шла о солдатах, выславшихся на службу в свою очередь. В документах, которыми оформлялась высылка на службу родственников или соседей беглых солдат, также нет речи, что их выручали у каких-либо представителей власти. В данном случае стороной, принимавшей поручительство, выступал сам великий государь. Как писали в 1662 г. солдатские отцы Шуйского погоста Лазарко Мартемьянов, Михейко Федотов, Жданко Степанов, Юшко Романов и Микифорка Корнильев: «... все мы, порутчики, поручилися есмы в казну великого государя по Васки Иванове в том, что ити ему, Васки, за нашу порукою на службу великого государя вместо племянника своего, салдата Силки Иванова...» [45; 50].

Таким образом, на основании изученного материала делаем ряд выводов. Во-первых, оформление поручных записей не решало проблемы бегства пашенных солдат со службы. Практически всё население Заонежских и Лопских погостов решительно выступало против солдатской службы, поэтому беглые солдаты находили среди местных крестьян полное сочувствие и понимание, а значит, укрытие и убежище для себя, несмотря на угрозы телесного наказания и даже казни для тех, кто укрывал беглых. При приближении солдатских сыщиков и высыльчиков солдаты вместе

с семьями, жёнами и детьми, а также их родственники, которых могли выслать вместо беглецов, уходили в леса и скрывались там, пока не миновала опасность быть найденными. Бывали случаи, когда стремясь оградить своих родных от высылки в район боевых действий, беглые солдаты выходили из своих укрытий. Однако чаще всего оформление поручных записей не гарантировало необходимого властям результата. Сбегали как солдаты, по которым была оформлена порука, так и поручители, которым грозила высылка на службу. Никакие меры не могли решить проблему бегства пашенных солдат.

Глава 4

НАЙМИТЫ – НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН В ОЛОНЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ

Некоторые зажиточные крестьяне, не желавшие отправляться на солдатскую службу, могли воспользоваться таким законным способом освобождения от нее, как заключение договоров найма с лицами, согласными за определённую плату служить вместо них. Явление такого найма в олонецких полках пашенных солдат до настоящего времени не получило должного освещения в историографии. Изучение актовых материалов из фондов «Олонецкая воеводская изба» и «Приказные дела старых лет», а также переписных книг солдатского высылщика Дивова 1657 г. позволило нам впервые установить документально подтверждаемое число наймитов и их нанимателей в полках пашенных солдат. Основное внимание в ходе анализа документальных свидетельств уделено причинам появления наймитов в олонецких полках, процедуре заключения сторонами договора с условиями найма, выявлению проблем во взаимоотношениях сторон, определению социального статуса наймитов и их «хозяев».

Обозначенные вопросы практически не изучены. Краткие сведения о проблеме наймитов в олонецких полках пашенных солдат приведены только в работах М. А. Островской и Р. Б. Мюллер.

М. А. Островская изучила отписки Дивова и в монографии привела обширные цитаты из документов, в которых переписчик сообщал в Москву о жалобах черносошных крестьян Олонецкого уезда на монастырских, нанимавшихся за плату служить вместо них, получавших плату вперед, а потом сбегавших и укрывавшихся в вотчинах монастырей [139; 84—85]. Р. Б. Мюллер выявила по документам, что размер платы за найм составлял от 20 до 30 рублей в год и на основании этого сделала вывод, что таким способом от службы освобождались зажиточные крестьяне [132; 139].

На основании анализа источников нам удалось выявить 246 случаев найма с именами наймитов и их «хозяев» за период с 1655/56 по 1663 г. Из них 16 случаев зафиксированы в переписных книгах Дивова, остальные 230 выявлены по актам Олонецкой воеводской избы (рописям солдат, поручным записям по наймитам, челобитным, памятям и отпискам): один случай выявлен по челобитной нанIMATEЛЯ, поданной в 1658 г. с жалобой на поручителей и наймита, который в 1655/56 г. деньги за найм взял, а на службу не пошёл, остальные — за период с 1660 по 1663 г.

Выявленные данные, безусловно, не являются полными и обусловлены, в первую очередь, степенью сохранности документов, дошедших до нас в составе фонда Олонецкой воеводской избы. Случаев найма, вероятно, было больше. Кроме того, не подлежит сомнению, что практика найма существовала не только в 1657—1663 гг., но и до, и после указанного периода.

Сама по себе идея найма солдат вместо тех, кто по возрасту или состоянию здоровья не мог нести военную службу, пришла в голову олонецким воеводам Ф. Ф. Волконскому и С. П. Елагину ещё в 1649 г. Тогда в ходе переписи населения они выяснили, что есть группа крестьян, не имевших возможности выставить из членов своей семьи, проживавших в одном дворе, ни одного солдата: это старики, бездетные вдовы, вдовы с малолетними детьми или больные, увечные крестьяне. Воеводы тогда предложили этим людям «наймать» кого-нибудь и выставить от своего двора.

Однако идея не могла быть осуществлена, потому что, по словам старост, у этих «маломочных» крестьян не было средств для найма [106; 282].

Первое по времени документальное свидетельство о существовании наймитов среди пашенных солдат относится к 1655 г. Из отписки олонецкого воеводы Чоглокова выяснилось, что по государеву указу, присланному в Олонец 22 ноября 1655 г., воеводе было велено добрать в полк А. Гамильтона солдат до 2000 человек, при этом специально оговаривалось, что набирать следовало «из ученых салдат, а не из наемных бобылей, которые б тому салдатскому строю навычны» [108; 331]. Значит, в 1655 г. пашенные солдаты олонецких полков уже пользовались услугами наймитов. Вполне понятно негативное отношение полковых командиров к новобранцам, не владевшим военными навыками. Видимо, государев указ, предписывавший не присылать «наемных бобылей», последовал после поступления жалоб офицеров на их профессиональную непригодность к военной службе. Возможно, какое-то время этот указ соблюдался, однако спустя несколько лет — в 60-х гг. XVII в., когда русская армия несла особенно большие потери в войне с Речью Посполитой, — в олонецких полках пашенных солдат служили, как минимум, два десятка наймитов-бобылей и более двух сотен других наймитов.

О том, что практика найма на солдатскую службу была широко распространена в Олонецком уезде и до 1657 г., свидетельствуют челобитные солдат, поданные Дивову, с жалобами на побег их недобросовестных наймитов, в результате которых наниматели теряли и деньги, и освобождение от службы. В этих жалобах речь шла в основном о наймитах из числа монастырских и помещичьих крестьян, а также посадских людей.

Бегство наймитов со службы было серьёзной проблемой. Для юридического закрепления прав и обязанностей наймитов и их «хозяев», санкций за неисполнение условий договора, в том числе для сведения вероятности побега к минимуму, применялось оформление поручных записей. Обязательной составной частью поручной записи являлась фиксация имён людей, поручавшихся за наймита. В случае его побега именно на них ложилась ответственность по

возмещению ущерба, причинённого побегом как «хозяину» наймита, так и государевой казне, если наймит сбежал с оружием, шубой или жалованием. Кроме того, один из поручителей должен был отправиться на службу вместо беглеца. Казалось бы, все предусмотрено, и «хозяин» наймита мог не беспокоиться о своей службе: если наймит сбежит, на службу отправят одного из его поручителей. Если сбежит этот поручитель, отправят второго или третьего. Поручителей могло быть по пять-шесть человек и даже больше. Однако солдатская служба была настолько непосильна для черносошных крестьян Олонецкого уезда, что на практике всё оказывалось гораздо сложнее. Поручители сами могли быть из числа пашенных солдат и, в свою очередь, могли быть отправлены на службу либо их могли выслать вместо беглых солдат — их родственников. Некоторые могли оказаться старыми или больными. Кроме того, они могли просто сбежать от высылки, как это делали многие солдаты. В результате при невозможности выслать кого-нибудь из поручителей беглого наймита, не принимая во внимание никакие объяснения его нанимателя и его жалобы о потраченных на найм деньгах, самого «хозяина» наймита отправляли на службу в действующую армию. Кстати, пойманного позже беглого наймита тоже вновь отправляли на службу и разбирательства, кто из них должен служить, могли длиться достаточно долго. Обманутый «хозяин» наймита после возвращения со службы, если ему посчастливилось остаться в живых, мог подать жалобу в съезжую избу для взыскания с беглеца, если тот тоже был ещё жив, или с его поручителей уплаченных за найм денег.

В некоторых случаях получить поруку по сысканным беглым наймитам представителям власти вообще не удавалось. Так, в ноябре 1660 г. капитан Анц Шульц сообщал в Олонец: «Выслал восемь человек за поруками, а по наймиту Алешке Терентьеву поруки не было, и он выслан с волостным приставом солдатом Артюшкою Ермолиным» [66; 29]. О том, что Алёшка Терентьев уже побывал на службе в качестве наймита и сбежал, становится известно из его челобитной, которую он подал сразу после своей высылки Анцем Шульцем. Как оказалось, в январе 1660 г. он нанялся служить вместо нетчика Осипа Юрьева, был в бою под Ляховичами, после которого, по-видимому, сбежал, так как имя его тоже попа-

ло в списки нетчиков. В результате розыскных мероприятий в сентябре 1660 г. вместо беглого наймита Алёшки Терентьева на службу был выслан его «хозяин» Осип Юрьев. Спустя два месяца в ноябре 1660 г. капитану Анцу Шульцу всё-таки удалось отыскать и выслать на службу и самого беглеца, который, однако, апеллируя к тому факту, что Осип Юрьев находился на службе вместо него, добился от воеводы своего освобождения от службы и распоряжения отпустить домой с тем, чтобы его на службу «до указа не высылать» [55; 32]. Также в документах встречаются такие способы доставки беглых солдат, по которым не было поруки, на службу как связанными веревками или в кандалах. Кроме того, таких солдат могли заключить в тюрьму до представления по ним поручительства [122; 154].

Из сохранившихся в фонде Олонецкой воеводской избы 29 поручных записей по наймитам выявлено, что обычно наймитов нанимали на год и сразу отдавали им плату за весь период службы. Только в двух поручных записях наемная плата выдавалась лишь на полгода вперед. В ходе исследования удалось выявить значительно более разнообразные по размеру суммы оплаты за найм, чем это было известно ранее из работы Р. Б. Мюллер: от 6,5 до 32 рублей. Это были большие деньги по тому времени*. Кроме уточнения размеров платы за найм, установлено, что речь не всегда шла об оплате за год.

В изученных поручных записях оплата за год службы наймита встречается от 6,5 до 24 рублей. Во всех случаях, когда размер платы был больше — от 26 до 32 рублей, наймит должен был служить «до государева полкового свального отпуску», то есть имел право вернуться домой только вместе с другими солдатами своего полка. Таким образом, срок службы мог оказаться очень большим. Из челобитной олонечких пашенных солдат, служивших в Юрьеве Ливонском и Кастере, известно, что в 1659 г. они находились на службе уже «шестой год безпеременно» [111; 149]. Если поручная запись оформлялась на таких условиях — служить «до отпуску», и наймит получал такую крупную сумму денег за свою службу, ему не полагалось больше никакой доплаты, в отличие от найми-

* На 10 рублей можно было купить двух лошадей по 5 рублей или пять коров по 2 рубля за голову [93; 1].

тов, которых нанимали на один год. При оформлении найма на год сумма оплаты была ниже, однако в случае, если наймита не отпускали из армии через год, ему полагалась доплата за каждый месяц, отслуженный сверх оговоренного времени, исходя из расчета годовой оплаты пропорционально. Иногда прописывались условия, когда и кто мог получить эти деньги. В одном случае было указано, что деньги мог получить только сам наймит, вернувшись со службы, а его родственники не имели на них права: «А деньги иметь ему Омелки с него Федорка с службы пришед на Олонец, а окроме ево Омелки брату ево Омелкину и иному роду ево никому до тех денег дела нет» [62; 33—34]. В других документах, наоборот, указывалось, что получать деньги должны были жена наймита, его отец или даже его поручители [62; 65, 72, 88]. В нескольких поручных записях фиксировалось, что в случае более раннего отпуска наймита со службы наниматель не имел права требовать себе возврата части денег, но в одном документе было чётко указано иное: если полк распустят из Новгорода, половину платы наймит должен будет вернуть нанимателю, но если полк выйдет из Новгорода в поход, даже недалеко, то вся сумма денег остаётся наймиту [62; 4—5]. Таким образом, размер платы мог зависеть от сложности службы: походная служба оценивалась выше, тем более, что в рассматриваемые годы выступление армии в поход означало участие в боевых действиях с противником.

Кстати, не всегда найм осуществлял сам солдат, желавший освободиться от службы. Документами зафиксированы случаи, когда в роли нанимателей выступали отец, брат и даже жена солдата-«нетчика». Именно они платили за найм. Возможно, сам «нетчик» в это время прятался от высельщиков, а так как по существовавшей практике вместо беглого солдата на службу отправляли кого-то из его ближайших родственников, родственники-мужчины могли быть вынуждены прибегнуть к найму, чтобы самим не оказаться в солдатских рядах на войне, а жена беглого солдата могла таким образом уберечь от высылки на службу их подросткового сына.

Анализ росписей солдат показал, что в них могли вноситься исправления. Так, в некоторых случаях, когда вместо «солдата-нетчика» высельщики забирали на службу его отца, брата или дядю

и это уже было зафиксировано в росписи, иногда имя родственника в последующем зачеркивалось и дописывалась новая информация (обычно другим почерком и чернилами) — о посылке на службу наймита. Выглядела такая запись так: «в место Ивашка Веденихтова отец ево Ведешка Карпов наймит ево Дмитрейко Семенов» [68; 25] или «Ерасимко Лукьянов, в ево место брат Юшко наймит Спиридонко Нефедьев» [59; 7]. Правомерно предположить, что в данных случаях найм был вынужденной мерой.

Здесь возникает вопрос: можно ли, основываясь лишь на оценке величины платы за найм, утверждать, что услугами наймитов пользовались только зажиточные крестьяне? Вполне возможно, что в некоторых случаях и небогатые крестьянские семьи попадали в долговую кабалу, чтобы собрать необходимую для найма сумму ради освобождения родственника от высылки на дальнюю службу. Вот что о причинах оформления найма пашенными солдатами сообщал в Москву в 1657 г. Дивов: «...для своево одиночества и болезней наймуют оне в свое место...» [109; 107].

В документах социальное и имущественное положение как наймитов, так и их нанимателей обычно не указывалось. Такого рода информацию можно выявить, только собирая крупницы информации из актовых материалов, содержащих сведения о различных коллизиях из жизни местных жителей. Участниками этих коллизий могли оказаться интересующие нас наймиты и их «хозяева». Однако выявить искомые имена среди тысяч имён жителей Олонецкого уезда, зафиксированных в актах, очень сложно. Велика вероятность ошибиться при отождествлении одинаковых имен из одних документов с именами из других, потому что крестьянские имена и отчества часто повторялись, даже в пределах одной деревни. Тем не менее три случая отождествления не вызывают сомнений. На основании проведённого анализа ряда документов из фонда Олонецкой воеводской избы установлено, что один из нанимателей был старостой [62; 77, 77об., 80, 80об., 82, 82об., 92, 92об.], а другой владел несколькими земельными участками [88]. Логично думать, что оба они были зажиточными крестьянами. Ещё один «хозяин» наймита был сыном кузнеца, что также предполагает определённый уровень обеспеченности [60; 114].

Так, важные для исследования факты содержатся в документах судебного дела по спору о владении пустошью Нарядовской в Олонецком погосте в 1663 г. [88]. Одним из действующих лиц этой тяжбы был солдат из деревни Кангасовой Святозерской волости Андрей Семёнов, именовавшийся его обвинителями беглым. Хотя учитывая открытое участие этого человека в судебном процессе, правомерно предположить, что именование его беглым не столько соответствовало статусу солдата в 1663 г., сколько было совершено по привычке, имевшей корни в недавнем прошлом. Дело в том, что в 1660 г. солдат-нетчик Андрей Семёнов послал служить вместо себя наймита Игнашку Трофимова, а найма дал ему на год 21 рубль 16 алтын 4 деньги [62; 88, 88об., 89, 89об.]. Вероятно, после истечения срока действия договора Андрей Семёнов продлил его с тем же наймитом либо нанял другого. Нам известно лишь то, что в 1663 г. его сын Васка Андреев, а одновременно с ним корелянин Куземка Левонтиев подали челобитные воеводе с просьбой передать им во владение упомянутую пустошь [88; 1—2об.].

На основании материалов судебного разбирательства — обыска, расспросных речей и розыска о земельных владениях участников тяжбы — делаем вывод, что благосостояние солдата-нетчика Андрюшки Семёнова складывалось из владения как своим участком, так и участком его брата Мокейки, беглого солдата, а также из самовольной запашки полевых участков в деревне его родственников. Всё это способствовало накоплению состояния, достаточного для найма себе на замену другого лица за более чем значительные, по тем временам, деньги.

Имя ещё одного солдата из Святозерской волости Манылки Козмина, который 9 сентября 1660 г. послал вместо себя на службу наймита, встречается в нескольких поручных записях от 2 сентября, где в двух случаях он являлся поручителем, а в четырех — послухом, причём из документов следует, что он был старостой указанной волости. Ещё в нескольких документах, связанных с высылкой солдат, Манылка Козмин указан в чине сержанта в качестве сопровождавшего группу отправленных к месту службы пашенных солдат [72; 50—51]. Не исключено, что необходимость оплаты услуг наймита возникла у Манылки в результате нарушения усло-

вий поруки одним из тех лиц, за которых он поручился. Обычно старостами избирали людей обеспеченных и то, что староста Манылка Козмин имел материальную возможность нанять кого-то для несения службы вместо себя, ещё раз это подтверждает.

Большая часть имён наймитов и их «хозяев» установлена по росписям солдат, в том числе беглых, и лиц, высланных на службу вместо сбежавших. Если кто-то из солдат посылал на службу вместо себя наймита, обычно в списке эта замена фиксировалась такими фразами: «в место Оски Михайлова наймит Якимко Давыдов» [55; 68] или «Омоско Иванов, в ево место наймит Нестерко Сысоев» [59; 3]. Как видно, дополнительной персональной информации из таких кратких записей не получить. Тем не менее иногда в росписях встречаются поясняющие пометы писцов, которые могут свидетельствовать о принадлежности наймитов к определённой социальной группе населения, местности или национальности.

Так, пометы «наймит охудалой крестьянин»*, «наймит бобыль» («наймит бобылек»), «наймит салдат» или «наймит салдатской захребетник» [56; 4, 10, 16, 83], [59; 6], [64; 39, 41, 47], [65; 55—57], [69; 3, 4, 98, 101] указывают на социальный статус наймитов. Очевидно, что шли служить по найму не только выходцы из социальных групп, освобождённых от солдатской службы, но и сами пашенные солдаты (те из них, чья собственная очередь отправляться на службу ещё не наступила).

Принадлежность наймитов к определённой национальности или местности устанавливается по таким пометам в росписях, как «поляк», «немчин», «корелянин», «олончанин», «оштянин», «великогубец», «сямозерец», «вытегорец» [53; 2], [55; 68], [56; 81], [60;

* Упоминание «охудалого» крестьянина в качестве наймита встречается в изученных документах один раз, в 1660 г. Имя этого наймита Юшко Стафеев Косолап. В переписных книгах Дивова 1657 г. этот крестьянин зафиксирован в деревне Прокофьевской волости Сидозеро Важенского погоста в категории «охудалых» с пометой «увечен». Так как в росписи 1660 г. помимо имени этого крестьянина указано также его прозвище «Косолап», можно предположить, что физический недостаток, выданный в 1657 г. за серьёзное увечье, не позволявшее служить, в действительности таковым не являлся, поэтому Юшко, числившийся в списках «охудалых», смог отправиться служить по договору найма.

1], [67; 30], [69; 2, 17], [70; 91], [83; 1об., 35]. Интересно, что определение «вытегорец» дано наймиту из росписи солдат Вытегорского же погоста, то есть все они были вытегорцами, однако писец обозначил это только напротив имени наймита, вероятно желая подчеркнуть, что он был не чужой, а свой, местный житель. Трижды напротив имён наймитов встречается указание «сосед» [53; 2], [59; 1, 6]. Из отписок Дивова и поручных записей известно о наймитах из числа посадских людей, монастырских и помещичьих крестьян — категорий населения Олонецкого уезда, не привлекавшихся к службе пашенных солдат*. В поручных записях помимо вышеперечисленных категорий наймитов встречается ещё одна — «юрьевские солдаты».

Кореляне, выходцы из Корельского уезда, искали, по-видимому, себе занятие и средства к существованию. В процессе работы с документами Олонецкой воеводской избы выявлены факты, которые позволяют проследить некоторые перипетии жизни солдата Ипатки Трофимова, жившего в Нялмозерской волости Олонецкого погоста, который в 1660 г. нанял для службы вместо себя корелянина Тимошку Фофанова.

Впервые упоминание имени солдата Ипатки Трофимова встречается в первой из переписных книг Дивова [105; 55об.]. Позднее Ипатко Трофимов оказался в списке беглых. По-видимому, какое-то время он скрывался, и, в соответствии с существовавшей в то время практикой отправки на службу вместо беглых солдат их родственников, солдатские высельщики нашли и выслали «за порукою» в Олонец родного брата Ипатки Трофимова — Вавилку. Об этом свидетельствует поручная запись от 20 августа 1660 г., в соответствии с которой несколько человек из Нялмозерской и Туломозерской волостей Олонецкого погоста, родственники беглых солдат, и среди них Вавилка Трофимов, должны были явиться в Олонец [62; 98—98об.].

Признавая справедливым замечание Р. Б. Мюллер о том, что беглые солдаты жили в своих домах, а родственники их укрывали

* Посадские люди сами не привлекались к службе пашенных солдат. Их сыновья могли быть записаны в солдаты, а они сами должны были по требованию властей доставлять фураж в полки.

[132; 134], можно предположить, что Ипатка прятался где-то недалеко от родной деревни и родственники могли знать о его местонахождении, но в момент приезда сыщиков не выдали его. Однако когда представители власти потребовали вместо беглых солдат отправить на службу брата Ипатки Вавилку, на семейном совете, по-видимому, было решено, что Ипатка должен объявиться перед сыщиками. Возможно, Ипатка сам принял такое решение, чтобы уберечь своего брата от высылки на службу. Такой вывод делаем на основании круговой поручной записи, заключённой через несколько дней, 26 августа 1660 г., 13 солдатами Туломозерской и Няломозерской волостей Олонецкого погоста, в числе которых был и беглый солдат Ипатко Трофимов [62; 35—35об.]. Все они обязывались отправиться на службу в полк И. А. Хованского. Однако на службу Ипатко всё-таки не пошёл, найдя теперь законный способ избавиться от ненавистной обязанности. Уже на следующий день после оформления круговой поручи, 27 августа того же года, Ипатко Трофимов нанял наймита, корелянина из Сердобольского погоста, «вольного человека» Тимошку Фофанова, который должен был служить вместо него в течение года [62; 56—56об.].

Заметим, что брат Ипатки Вавилка Трофимов, наряду с посадским человеком Титом Тарасьевым и старостой Низовской трети Олонецкого погоста Микифором Максимовым, выступал в качестве поручителя по наймиту своего брата. Следовательно, с одной стороны, он помог брату тем, что согласился стать поручителем, с другой — в случае бегства наймита первым кандидатом на высылку стал бы именно Вавилка как поручитель.

Факт найма так называемых «юрьевских солдат» обращает на себя особое внимание. В исследованных документах таковых встретилось пять человек [62; 12, 21, 24, 88, 169]. Никогда прежде в историографии не указывалось на льготу, которую получили олонецкие солдаты, воевавшие под Юрьевом Ливонским и попавшие в осаду, так называемые «юрьевские сидельцы». Эти пашенные солдаты по возвращении с театра военных действий на три года освобождались от обязанности служить [111; 149об.]. Даже в тех случаях, когда возникала необходимость найти замену бе-

глому солдату из числа его ближайших родственников, солдатские высельщики не нарушали данную привилегию. Вот что написано по этому поводу в отписке полковника Христофора Трейдена: «А Гаврилку Степанова сыскать нельзя некоторыми мерами, потому что он из Ведлозера со всем домом сбежал, только брат его салдат пришол из Юрьева Ливонского. И тово яз прислать не смел, что им юрьевским дана льгота» [56; 94]. Тем не менее некоторые из таких солдат, уже закалённые в боях, по собственному желанию отправлялись на службу в качестве наймитов. По-видимому, они видели в получении платы за найм решение своих материальных проблем, как, вероятно, и прочие наймиты.

По этой же причине заключали договоры найма и монастырские крестьяне. При этом, получив плату за найм, нередко они сбежали, не отслужив положенного срока, домой, в монастырские вотчины, где становились для высельщиков недосягаемыми [139; 84—85]. Об этом в своих отписках в Москву писал Дивов, который, указывая также на то, что многие «государевы крестьяне» переходили жить в монастырские вотчины, в результате чего там «учинилось многолюдно», предлагал набирать в солдаты не только черносошных, но и монастырских крестьян [139; 84—85].

Предложение Дивова не было принято, тем не менее суть проблемы бегства наймитов была обозначена. В подтверждение приведём челобитную солдата Шунгского погоста Филки Авакумова с жалобой на нескольких человек, выступивших в 1660 г. поручителями по наймиту — монастырскому служке Агафанке Емельянове, которому Филка дал плату за найм вперёд на шесть месяцев по два рубля и две гривны в месяц. Однако наймит Агафанка оговоренного времени не отслужил, а взяв деньги, со службы сбежал [92]. Интересно, что челобитную, судя по дате пометы, Филка подал только в 1664 г. Остается загадкой, пришлось ли ему служить самому в течение прошедших четырёх лет и почему поручители всё это время избегали ответственности. Одним из вариантов ответа может быть так называемая судебная отсрочка, которая предоставлялась по гражданским делам в случае, если истец или ответчик были призваны на военную службу [122; 157].

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что необходимость в найме кого-либо вместо себя появилась у пашенных солдат с началом войны с Речью Посполитой в 1654 г., когда олонечские полки были отправлены на театр боевых действий. Наймитов обычно нанимали на год или «до полкового отпуска» и давали всю сумму за найм вперед. Дополнительно уплачивались деньги за службу сверх оговоренного времени. Судя по количеству беглых солдат, обычная для того времени процедура — оформление поруки — часто не становилась действенной мерой в борьбе с побегами из армии, а поручители сами сбегали при приближении к их деревням сыщиков и высельщиков. Это было самой главной проблемой во взаимоотношениях между наймитами и их «хозяевами». Самым сложным, пока не решённым, вопросом является определение социального статуса большинства наймитов и их «хозяев» и выяснение обстоятельств их жизни. Только в некоторых случаях точно известно, какое место они занимали в местном крестьянском сообществе или кем были по происхождению.

Глава 5

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ СПОРЫ В КРЕСТЬЯНСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Служба в солдатских рядах привнесла в повседневный быт жителей карельских деревень новые явления, а в умы крестьян — новые идеи. Ещё Р. Б. Мюллер отметила: осознание крестьянами того факта, что у каждого солдата должен быть участок земли, с которого он должен был служить «государеву службу», привело к возникновению идеи уравнительного землепользования [132; 127—128]. Иными словами, если у солдата был маленький участок земли, он, будучи уверенным в своей правоте, бил челом государю с просьбой отдать ему часть земли крестьянина, у которого участок был большой, ссылаясь именно на свой солдатский или драгунский статус. Зачастую такие просьбы удовлетворялись: государству было важно, чтобы солдаты были обеспечены землёй и исполняли свой солдатский долг [63].

Олонецкие пашенные солдаты находились на службе по году и более. О сроках службы свидетельствуют вышерассмотренные поручные записи по наймитам. Из челобитных, подаваемых солда-

тами, узнаём о более длительных сроках службы. Так, солдат Кижского погоста Борис Деев сообщал воеводе, что был на службе пять лет, солдаты, попавшие в осаду в Юрьеве Ливонском и Кастерскансе, подававшие челобитную с просьбой заменить их на службе, сообщали, что служили «беспеременно» на протяжении шести лет [111; 149]. В результате пока часть крестьян находилась на военной службе далеко от дома, в их родных деревнях возникало много конфликтных ситуаций, связанных с владением земельными участками и другими имущественными спорами. Бывало, что вдовы солдат, погибших на службе, оказывались беззащитными перед родственниками со стороны мужа, когда те выгоняли их из дома, иногда вместе с детьми, лишали земельного надела и приданого, отказывались делить имущество, которое им причиталось по закону после смерти мужа: землю, хоромы, хозяйственный инвентарь, снасти, скот и прочее. К тому же могло привести и длительное отсутствие солдат дома.

Так, в 1660 г. вдова солдата Сенки Лазарева Нечаева — Евдокиица Данилова дочь — обратилась в олонецкую воеводскую избу с просьбой принять меры по отношению к ее деверям Михалке, Осташке и Никитке, жителям деревни Айтъянаволок, которые не разделили с ней и её детьми, сыновьями Ваской Большим и Ваской Меньшим, имущество, оставшееся от их родного брата, а её мужа, погибшего на службе [75; 2—3, 5, 7, 8]. Перечень имущества, должного быть поделённым, прилагался к челобитной. Следует заметить, что по переписным книгам И. С. Дивова в 1657 г. Сенка уже числился погибшим [105; 734об.], а его сыновья были указаны как проживавшие вместе с дедом «охудалым» крестьянином Данилкой Сидоровым [105; 1091]. Причём имя погибшего солдата было зафиксировано в деревне Айтъянаволок, а отца челобитчицы вместе с внуками — в деревне Демидова Карташева того же Кижского погоста той же Лижемской волости. Значит, Евдокиица после гибели мужа вместе с детьми уехала из его семьи в семью своего отца в другую деревню. Это наблюдение удалось сделать благодаря составленной в ходе данного исследования компьютерной базе данных по переписным книгам И. С. Дивова.

Похожая ситуация произошла с Ириньницей Фёдоровой дочерью. В марте 1660 г. её брат Михалка Фёдоров, житель деревни

Колвостров, подал челобитную с жалобой на её свёкра Олфимку Афонасьева, жителя деревни На Усть Лижмы речки, который после гибели под Юрьевом Ливонским его сына, а её мужа Баженки, выгнал невестку вместе с дочерью из дома, отдав ей только часть причитавшегося имущества [61]. Неизвестно, чем закончилось это дело, но в последующие годы Олфимка Афонасьев был заподозрен ещё в одном неблагоприятном поступке. В 1664 г. его односельчанин Ивашка Иванов увидел на нём шапку, которую в 1660 г. у него украли вместе с другим имуществом из полевой клети и дворового амбара. При этом Ивашка жаловался, что староста Тимошка Григорьев, имея на руках челобитную и будучи осведомлённым о сути дела, ничего не предпринял, чтобы обыскать Алфима и вернуть шапку хозяину [91; 8]. По-видимому, Олфимка Афонасьев смог договориться со старостой в свою пользу. Не исключено, что и невестку с дочерью он выгнал из дома, либо тоже заручившись поддержкой старосты, либо сам был зажиточным и влиятельным человеком, не опасавшимся наказания.

В документах зафиксирован ещё один случай, когда женщину выгнали из дома. В декабре 1658 г. житель деревни На Яндомозере Матфеевская Кижского погоста солдат Игнашка Ермолин подал на рассмотрение воеводы сразу две челобитные. В одной он просил за свою тётю Пелагеицу Игнатьеву дочь, которую пасынок, сын ее второго мужа, после смерти отца выгнал из дома и лишил имущества, хотя по духовной было приказано всё имущество поделить пополам [50; 52], [51; 45—47]. Во второй челобитной Игнашка жаловался на Федку Микитина сына Боранова, за которым другая его тётя, родная сестра его отца, Анница Назарьева дочь, была замужем. Здесь другая ситуация. Умерла жена, и, как следует из документа, после случившегося Федка Боранов отказался отдать Игнашке её приданое, хотя единственный сын Анницы и Федки — Васка — умер на службе под Витебском [51].

Яркий пример конфликта другого рода — между семьями двоюродных братьев и племянников — произошёл в том же Кижском погосте в деревне На Усть Лижмы речки в 1657 г. В это время представитель одной из сторон — солдат Анкудинка Григорьев — находился на службе. Дома оставались его жена Соломанида

и сын Калинка, которому в то время было всего 8 лет [105; 948]. Неизвестно, по какой причине, но к ним во двор пришли братья Ильюшка и Якушка Еупловы, племянники двоюродного брата Анкудинки — Ивашки Иванова — с их матерью Пелагеицей Артемьевой дочерью. Они избили жену и сына Анкудинки. Вернувшись со службы спустя семь лет, в 1664 г., он узнал, что его жена после нанесенных побоев, «лежав многое время», умерла, а сын остался «жив, но не здоров» [96]. При этом обидчики вместе с Ивашкой Ивановым захватили земельный участок пострадавших [95], а Ивашка вместе с Калинкой Еупловым ещё и треть мельницы со снастями, которую они когда-то построили вместе с отцом Анкудинки — Гришкой Сергиевым [97]. Всё это послужило причиной для неоднократной подачи Анкудинкой челобитных с жалобами. По-видимому, ответчики были, людьми, обладавшими определённым положением в крестьянском сообществе, так как могли позволить себе «облаять» приставов и «учиниться сильны». К тому же староста Тимошка Григорьев (тот самый, который четырьмя годами ранее не помог другому местному жителю вернуть украденную шапку) из-за своей «бездельной корысти» не предпринимал необходимых мер, чтобы уладить дело [95]. В том же 1664 г. именно на упомянутого старосту воеводе поступило сразу несколько челобитных с жалобами. Суть претензий заключалась в том, что Тимофей либо покрывал ответчиков, не давая хода судебному делу, либо сам совершал подсудные деяния, в том числе наносил побои, вымогал деньги, подговаривал писать ложные челобитные [91], [94], [95].

Таким образом, длительное отсутствие пашенных солдат и драгун в родных деревнях приводило к различным бытовым конфликтам в среде крестьян, в основном имущественного характера. Наиболее уязвимыми в таких ситуациях становились вдовы и дети погибших на службе солдат. Солдаты, вернувшиеся со службы живыми, начинали судебные разбирательства с обидчиками членов своих семей или с теми крестьянами, которые во время их отсутствия захватили пашенные участки или угодья. Как и судебные дела о взыскании с беглых наймитов или их поручителей, потерянной платы за найм, такие разбирательства могли затянуться на годы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Институт пашенных солдат существовал на территории Олонецкого уезда на протяжении 18 лет: в 1649—1666 гг. За это время традиционная повседневная жизнь местного крестьянского сообщества претерпела значительные изменения. В ряды пашенных солдат было зачислено практически всё мужское население региона — черносошные крестьяне и бобыли. Солдатская служба стала фактором, способствовавшим возникновению новых явлений в деревне: в межличностных и внутрисемейных отношениях крестьян, их взаимоотношениях с представителями местного самоуправления, уездной администрацией, военачальниками и должностными лицами, осуществлявшими сыск и высылку солдат на службу. Произошли изменения в ориентирах и линиях поведения локальных крестьянских сообществ, как на общественном, так и на индивидуальном уровне.

Первое новое явление, с которым пришлось столкнуться жителям Заонежских и Лопских погостов в 1649 г., был приезд иноземных военных для обучения крестьян солдатскому строю и расселённых по погостам, первоначально по крестьянским избам. Проблема с их размещением отражена в источниках только за 1649—1651 гг. После этого, вероятно, всем «начальным людям» были предоставлены отдельные вновь построенные или уже существовавшие крестьянские дворы, но без местных обитателей.

Удалось установить точное время появления 104 иноземных «начальных людей» в Олонецком уезде — полковник А. Гамильтон с семьёй и пятью подчинёнными прибыли 30 марта 1649 г., остальные офицеры — в мае того же года. По дороге в Олонец некоторые иноземцы показали себя не с лучшей стороны: совершили грабежи, разбои и «насильства» в отношении местного населения — прежде всего, ямщиков и их семей, разорили вотчину Хутынского монастыря. Однако для правительства приоритетным оказалось обучение черносозных крестьян солдатскому строю, поэтому вина иноземцев, ценных военных специалистов, была прощена с оговоркой, чтобы впредь такого не было. Изучение документов, составленных дворянином Сергеем Малово в ходе осуществленного им в 1658 г. в Олонецком уезде расследования злоупотреблений различных должностных лиц, в том числе «начальных людей», показало, что преступления совершались иноземными офицерами и в отношении карельских пашенных солдат. При этом не только иноземные, но и русские офицеры, а также новокрещены, подьячие и посадские люди злоупотребляли своим положением: собирали с солдат деньги на свои нужды, а также еду, вино, шкуры животных, различные ремесленные изделия, брали «посулы» за отсрочку от высылки на службу; в условиях походной армии «начальные люди» отбирали государево жалованье и «добыточный живот», били кнутом и батогами.

Анализ порядка организации отправки пашенных солдат «на дальние службы» и особенно явления бегства со службы в период войн показал, что правительство предписывало для предотвращения бегства следующие меры — «разборы на очереди», оформление поручных записей, а также мероприятия по розыску, наказанию и высылке беглецов в места дислокации полков. В работе изучены все возможные способы активного и пассивного сопротивления пашенных солдат отправке на службу, отразившиеся в документах: вплоть до угроз физической расправой высылщикам. Розыск беглых реализовался на всех уровнях местной власти — от воевод до выборной волостной администрации. Привлечение многих должностных лиц («сыщиков», «начальных людей», «новокрещенов», стрельцов, пушкарей, посадских и «волостных людей») вело к разным злоупотреблениям.

Важным новым социальным феноменом в крестьянском сообществе Олонецкого уезда стало явление найма солдатами в своё место других людей за определённую плату. На основании изученных росписей солдат, в том числе беглых, и тех, кого высылали на службу вместо беглецов, а также поручных записей по наймитам, установлено количество наймитов, проанализированы условия найма, выявлен социальный и материальный статус наймитов и их нанимателей.

Длительное отсутствие пашенных солдат дома, а также их гибель на службе приводили к множеству имущественных конфликтов между соседями и родственниками, в особенно тяжёлом положении оказывались вдовы и их дети.

Исследование позволяет сделать уверенный вывод, что институт пашенных солдат как социальный феномен, навязанный территориальному крестьянскому сообществу государством, оказал существенное воздействие на различные сферы повседневной жизни крестьян Заонежских и Лопских погостов. Личные судьбы многих тысяч местных обитателей оказались изменены под воздействием новых факторов, выявленных и проанализированных в монографии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Опубликованные

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ

Сводь законов

1. 1649. — Соборное Уложение. Текст. Комментарии / подгот. текста Л. И. Ивиной ; ред. кол. В. И. Буганов, М. П. Ирошников, А. Г. Маньков, В. М. Панеях ; коммент. под рук. А. Г. Манькова. — Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — 448 с.

Царские грамоты и указы

2. 1648, не ранее января 19. — Указ о запрещении покупать и принимать в заклад земельные участки крестьян Заонежских погостов // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты / подгот. текстов Р. Б. Мюллер ; под ред. Н. Е. Носова. — Ленинград : Наука, 1986. — № 327. — С. 221.

3. 1649, декабря 31. — Наказ олонецкому воеводе Василью Чоголокову об отправлении им воеводской должности // ДАИ. — Т. III. — № 67. — С. 243—249.
4. 1655, апреля 26. — Указ о смотре ратных людей, о походе против Короля Польского и о наказании кнутом укрывающихся от службы // ПСЗРИ. — Т. 1. — № 154. — С. 362—363.
5. 1658, март — Грамота Сергею Малово, о распоряжениях в отвращение злоупотреблений Олонецких воевод и других лиц по высылке оседлых солдат на службу // ДАИ. — Т. IV. — № 146. — С. 389—394.

II. АКТЫ ПРИКАЗНОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА

6. 1649, февраля 18. — Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения людей в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах // ДАИ. — Т. 3. 1848. — № 49. — С. 170—173.
7. 1650, апреля 13. — Память олонецких воевод Чоголокова и Елагина капитану Гамильтонова полка Горну о солдатском ученье // АИ. — Т. IV. — № 39. — С. 128—129.
8. 1658, март. — Челобитная оседлых сержантов, капралов, драгунов и солдат Заонежских погостов (Шунгского, Кижского, Шуйского, Выгозерского и Кузарандской волости) об облегчении их обязанностей по службе // ДАИ. — Т. IV. — № 146. — С. 394—397.
9. 1661—1663. — Сметы военных сил Московского государства // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 3. 1911. — С. 14—19.
10. 1662, не позднее февраля 11. — Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя» // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 99—103.
11. 1662. — «Дело» по челобитной олонецких солдат полка Ягана Трейдена против олончан-посадских // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 115—117.
12. 1662, после июня 9. — Челобитная солдат Остречинского погоста Олонецкого уезда из полка Томаса Гейса о выплате жалованья // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследова-

- ния и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 121.
13. 1662. — Челобитная солдат Остречинского погоста Олонецкого уезда из полка Томаса Гейса о выплате жалованья // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 122.
 14. 1662, не ранее мая 23. — Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонечких солдат, с предложением репрессий против беглецов // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 123—124.
 15. 1662, ранее октября 7. — Из отписки подполковника Х. Трейдена воеводе Новгородского полка Б. А. Репнину в Псков о казни и наказании сбежавших одиннадцати солдат, бегстве других и о трудностях с выплатой солдатского жалованья// Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 134—136.
 16. 1662, ранее марта 9. — Выписка из «сыска» стрелецкого полуголова Луки Издекова в Кижском погосте // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 144—145.
 17. 1662, не позднее марта 13. — Челобитная солдата полка Томаса Гейса Ивана Игнатьева об освобождении его семьи из-под ареста, с распоряжением воеводы // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 145—146.
 18. 1668, не позднее апреля 18. — Мирская челобитная крестьян Олонецкого уезда в Новгородский приказ об обложении их тяглом по писцовым книгам // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в. : сборник документов. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФСР, 1948. — № 125. — С. 193.
 19. 1671, ноября 19. — Грамота из Новгородского приказа олонечкому воеводе Ивану Баклановскому об отмене тройного тягла в Заонежских погостах // Мюллер Р. Б. Карелия в XVII в. : сборник документов. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФСР, 1948. — № 132. — С. 200—201.

Неопубликованные**АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАН****Ф. 98: Олонецкая воеводская изба**

20. 1649/50. — Челобитная майора полка Мартына Кармихеля, «кормового» иноземца Томаски Бейли, с жалобой на старост Никольского Андомского погоста Фёдора Фомина и других, не выплативших ему денег, израсходованных на покупку леса и наем рабочих для починки старого двора священника Ивана Борисова, в который майора поселили старосты 1649/50 г. Фетка Июдин и Завьялко Фомин // К. 1. Д. 147 (12). Л. 21 с об.
21. 1650 г. января 14. — Дело о переселении барабанщиков, размещенных в доме старосты Павелки Пиминова, в пустующий двор // К. 1. Д. 35 (б). Л. 2, 3.
22. 1650 г. января 22—24. — Дело по челобитной московского кормового иноземца майора Володимерки Кармихеля об оскорблении его старостой Павлом Пиминовым // К. 1. Д. 80 (а). Л. 1, 2, 2об.
23. 1650 г. января 24. — Дело по челобитной полкового квартирмейстера Ивашки Сванова (Шванова) с жалобой на крестьянина Черкаса Фёдоровова с детьми и племянником Микулой Еремеевым, бранивших, бивших и угрожавших убить его брата прапорщика Давыда Свана // К. 1. Д. 80 (в). Л. 5—8.
24. 1650 г. января 25. — Дело по челобитной солдата Ильинского Веницкого погоста Микулки Еремиева о сыске по делу против него по челобитью солдатского учителя иноземца Давыда Иванова сына Шванова (Сванова) // К. 1. Д. 80 (б). Л. 3, 4.
25. 1650 г. января 23. — Дело об отпуске иноземца поручика Давыдки Вернора из Заонежских погостов в Великий Новгород // К. 1. Д. 35 (г). Л. 5, б.
26. 1650 г. январь. — Челобитная окольничего и воеводы князя Фёдора Фёдоровича Волконского и воеводы Степана Парфеньевича Елагина с сообщением об отпуске в Москву из Олонца на месяц иноземца Еремея Роформа для того, чтобы он перевез свою семью из Москвы в Олонец // К. 1. Д. 69. Л. 2об.
27. 1650 г. март. — Отписка воевод Василия Чоголокова и Степана Елагина об отпуске Манги Сарыхгера, квартирмейстера полка Мартына Кармихеля, в Москву для подачи челобитной государю о своих личных нуждах // К. 1. Д. 67 (г). Л. 7об.

28. 1650 г. марта 28. — Наказная память воевод Василия Чоголокова и Степана Елагина старосте Воскресенского Важенского погоста Фёдору Павлову и Мирошке Лазареву по челобитной прапорщика полка Мартына Кармихеля иноземца Дмитрия Рыкарева, определенного на полгода на жительство во двор старосты погоста Павла Пименова, с жалобой на старосту, который выгнал его со двора и ограбил // К. 1. Д. 147 (8). Л. 15.
29. 1650 г. марта 31. — Наказная память воевод Василия Чоголокова и Степана Елагина по мирской челобитной старосты Покровского Вытегорского погоста Сенки Иванова Вотолына, Дмитрейки Июдина и всех крестьян с жалобой на иноземца капитана Елизаря Мартынова, везшего в Лопские погосты оружие, и отнявшего у посланных с ним из Покровского Вытегорского до Никольского Андомского погоста проводников их сани // К. 1. Д. 116 (6). Л. 2об.
30. 1650 г. апреля 24. — Дело по челобитной старосты Никольского Паданского погоста солдата Ондрюшки Савина об освобождении солдат от еженедельных военных смотров в Селецком погосте, расположенном в 20-ти верстах от места их обучения // К. 1. Д. 67 (л, м). Л. 26—30.
31. 1650 г. мая 20. — Наказная память воеводы Василия Чоголокова старосте Рождественского Водлозерского погоста Андрюшке Лукину и крестьянину Андрюшке Конанову об отводе нового солдатского двора для жительства поручика Петра Александрова, служащего в полку Мартына Кармихеля // К. 1. Д. 80 (ж). Л. 21.
32. 1650, июня 5. — Дело по челобитной старосты Сямозерской волости Трофимки Ермолина с жалобой на начальных иноземных людей, которые, проезжая через их волость, требуют на основании подорожных, выданных еще в Москве для проезда в Заонежские погосты, предоставлять подводы для проезда в другие места // К. 1. Д. 151. Л. 1 с об., 2.
33. 1650, декабря 15. — Дело по отписке полковника Мартына Кармихеля о решении разных вопросов службы // К. 1. Д. 80 (е). Л. 12—14, 16, 17 с об. — 20 с об.
34. 1651, января 23. — Дело по челобитной поручика Томаски Пенцера [Спенцера] полка Мартына Кармихеля с жалобой на солдат Шокшинской волости Рождественского Остречинского погоста Карпушку и Лазарку Ивановых, бранивших, избивших и поранивших его во время набора солдат на службу // К. 2. Д. 5 (11, 12, 13). Л. 12 с об., 13, 14.

35. 1651, января 23. — Дело по челобитной солдат Никольского Андомского погоста Ромашки Томилова, Гаврилки Трофимова и Васки Жданова с просьбой о денежной компенсации за постой иноземцев начальных учительных людей, живущих в их дворах вторую зиму // К. 2. Д. 5 (3, 4). Л. 4 с об., 5.
36. 1651, января 24. — Дело по коллективной челобитной начальных людей полка Мартына Кармихеля с просьбой отвести им для постоянного жительства отдельные дворы, чтобы не терпеть убытков при переезде с одного двора в другой, и взыскать со старост деньги, потраченные ими на постой // К. 2. Д. 5 (9, 10). Л. 10 с об., 11 с об.
37. 1651, января 26. — Наказная память воеводы Василия Чоголокова полковнику Мартыну Кармихелю с повелением объявить солдатам об указе царя Алексея Михайловича, присланном в город Олонец 24 января 1651 г., об изготовлении фитилей, готовности к службе и об освобождении солдат от государевых податей за службу // К. 2. Д. 5 (14). Л. 16, 17.
38. 1651, марта 9. — Дело по челобитной полковника Александра Гамильтона и подполковника Эрички Андерсона и всех «начальных людей» с жалобой на солдат, которые их не слушают, фитили не делают, на солдатскую службу не ходят, а также о бунтовщиках // К. 2. Д. 45. Л. 1—6.
39. 1651, марта 10. — Дело по челобитной подполковника полка Александра Гамильтона иноземца Иришки Андерсона с просьбой велеть старосте Никольского Шунгского погоста построить во дворе, где его поселили, вторую избу, так как в одной избе ему с семьей и со слугами жить тесно // К. 1. Д. 147 (7). Л. 13 с об., 14.
40. 1651, марта 10. — Дело по челобитной капитана полка Александра Гамильтона иноземца Андрюшки Бокольтова с жалобой на «заезжего» крестьянина Климентия Козмина, который 2 июня 1650 г. бранил матерно челобитчика, когда тот находился в избе поручика (имя не указано. — Д. Б.) // К. 1. Д. 147 (13). Л. 22 с об., 22а.
41. 1651, март. — Запись об отпуске наказной памяти старостам Никольского Андомского погоста Фетке Фомину, Куземке Мартемьянову и Суботке Григорьеву с указом выплатить деньги, потраченные майором на починку двора // К. 2. Д. 48 (з). Л. 17.
42. 1651, апреля 1—8. — Дело по челобитной солдата Туломозерской волости Ильинского Олонецкого погоста Марчки Ульянова за всех солдат той же волости с просьбой о строительстве отдельного двора

- для майора Романа Филипова, который живет у них в волости с 1649 г. по разным крестьянским дворам // К. 2. Д. 48 (а). Л. 1 с об., 2.
43. 1651, апреля 22—26. — Дело по челобитной солдат Спасского Кижского погоста Сенки Савастьянова и Ивашки Третьякова с жалобой на капрала Тихона Дорофеева «с товарищи», взявших у них перед поездкой под Псков судно со всем судовым запасом, разбивших его и не заплативших за него // К. 2. Д. 60. Л. 1, 2.
44. Не позднее мая 1654. — Отписка полковника Мартына Кармихеля воеводе Василию Александровичу [Чоглокову] с жалобой на то, что воевода шлет распоряжения по солдатским делам к старостам и отнимает у него власть над солдатами // К. 3. Д. 16 (м). Л. 1.
45. 1656, июля. — 1663 г., декабря 18. — Дело о солдатских разборах, а также о розыске и высылке на службу беглых солдат различных погостов Олонецкого уезда // К. 4. Д. 72. Л. 1—104.
46. 1657, май — июнь. — Челобитная подьячего съезжей избы в городе Олонце Степашки Ижорина о его службе с 1651 г. по розыску беглых крестьян и крестьянских семей с сыщиком Иван Кобыльским, о поездках в Вильно, Полоцк, Ригу, Новгород с просьбой повысить жалованье // К. 2. Д. 75. Л. 1—2.
47. 1657, декабря 16. — 1658, октября 2. — Дело о неповиновении жителей Лопских Ругозерского, Селецкого, Панозерского и Шуезерского погостов, вызванного приездом поручика полка Вальтера Кармихеля Богдана Васильева сына Головина для сбора солдат и драгун и отправки их на государеву службу по указу олонцкого воеводы Василия Чоглокова // К. 2. Д. 79. Л. 1—125.
48. 1658, июня 30. — 1663, января 12. — Дело о разборе, розыске и высылке беглых солдат Олонецкого уезда на государеву службу // К. 4. Д. 71. Л. 1—35 с об.
49. 1658, октября 14—16. — Дело о привлечении к ответственности поручиков за «гулящего человека» Ведлозерской волости Олонецкого погоста Сенку Микитина, который, получив «наемные» деньги с Кирилки Федорова, не стал служить вместо него и сбежал // К. 2. Д. 83 (1). Л. 1—2.
50. 1658, декабря 4 — февраля 28. — Челобитная солдата Кижского погоста Великогубского конца Яндомозерской волости Игнашки Ермолина вместо своей тетки Пелагийцы Игнатъевой дочери с жалобой на пасынка Семена Ананьина, который после смерти Ананьи прогнал тетку и лишил имущества (Л. 45 с об.) // К. 2. Д. 92/29. Л. 45, 52.

51. 1658, декабря 7. — Дело о приданном, которое житель Сенногубской волости Спасского Кижского погоста Федор Микитин сын Боранов отказался вернуть после смерти своей жены, Анны Назарьевой, ее племяннику, жителю Яндомозерской волости того же погоста Игнашке // К. 2. Д. 92 (30—32). Л. 46—47.
52. 1658/59. — 1660, ноября 27. — Дело о розыске убитых, раненых, оставленных на службе в крепостях и беглых солдат, а также об организации высылки солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда в полки // К. 4. Д. 6. Л. 1—57.
53. [1659] — Список сысканных беглых солдат и их наймитов полка боярина и воеводы князя Ивана Андреевича Хованского, а также отцов и братьев не найденных солдат // К. 3. Д. 8 (б). Л. 1—8.
54. 1659, после июня. — Список драгун Шимозерских волосток Никольского Оштинского погоста, а также драгун Воскресенского Важенского, Рождественского Остречинского, Ильинского Веницкого погостов, получивших жалованье на Александровской пристани, а также тех, кто не явился на смотр // К. 3. Д. 8 (к). Л. 1—11.
55. 1659—1661, января 19. — Дело о розыске беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда и их возвращении на службу в полки // К. 3. Д. 82. Л. 1—97.
56. 1659/60. — 1660, ноября 28. — Дело о розыске беглых солдат и драгун в разных погостах Олонецкого уезда и высылке на службу «нетчиков» и их родственников // К. 4. Д. 1. Л. 1—98.
57. 1659, марта 29. — 1663, января 13. — Дело о разборе солдат, проведенном Андреем Гавриловичем Измайловым, ротмистром Феклистом Ласунским, новокрещенами Харламом Мевкелевым, Софonom Илметевым и другими в разных погостах Олонецкого уезда // К. 4. Д. 7 (1). Л. 1—35.
58. 1659, июля. — 1663, декабря. — Дело о солдатских разборах, а также о розыске и высылке на службу беглых солдат различных погостов Олонецкого уезда // К. 4. Д. 72. Л. 1—104.
59. 1660, январь. — Именная роспись соседей и родственников беглых солдат и разысканных беглых солдат полка воеводы Ивана Андреевича Хованского, отправленных с поручиком Фёдором Ступиным и с Дмитрием Ивановым на службу в Великий Новгород // К. 3. Д. 20 (в). Л. 1—16.
60. 1660, января 26. — Списки солдат разных погостов, поданные капитаном Кузьмой Миловановым // К. 3. Д. 20 (т). Л. 112—115, 116 с об.

61. 1660, март. — Челобитная крестьянина Кижского погоста Великогубского конца Колостровской волости Михаила Фёдорова вместо своей сестры вдовы Ирины Федоровой дочери на ее свекра, крестьянина Лижемской волости того же погоста Олфима Афонасьева, который после гибели ее мужа, а его сына, Бажена на службе под Юрьевом Литовским, выгнал ее с дочерью из дома, отдав только часть причитавшегося ей имущества // К. 3. Д. 66. Л. 1.
62. 1660, марта 6. — декабря 10. — Поручные записи солдат, родственников беглых солдат и наймитов разных погостов Олонецкого уезда в том, что они, их родственники или наймиты пойдут на государствену службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского // К. 3. Д. 76. Л. 1—172.
63. 1660, марта 15. — Челобитная солдата Кижского погоста Сенногубской волости деревни Алферовской Ивашки (в записи о посылке памяти — Васки) Тарасьева и шести его братьев об отдаче им трети деревенского участка их умершего дяди Зиновия Микитина, которую крестьянин Андрей Семенов, муж Акилины, дочери этого дяди, отдал на сторону крестьянам Ивану Кирьянову и Павлу Елизарьеву, передав другие две трети челобитчикам // К. 3. Д. 36. Л. 1.
64. 1660, мая 18—27. — Именная роспись беглых солдат и драгун разных погостов, их родственников и «наймитов», разысканных новокрещеном Харламом Мевкелевым и майором Матвеем Викентьевым и объявившихся на Олонце // К. 3. Д. 20 (е). Л. 37—51.
65. [1660], июня 17. — Именная роспись беглых драгун и солдат, их соседей, родственников и наймитов, прибывших на Олонец «по высылкам» и отправленных на службу с новокрещеном Агафоном Илметевым // К. 3. Д. 20 (з). Л. 53—58.
66. 1660, августа 22. — ноября 2. — Дело о розыске умерших и беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда, а также об организации высылки солдат-«нетчиков» и новоприборных в полки // К. 3. Д. 83. Л. 1—61.
67. 1660, сентябрь. — Отписка воеводы князя Терентия Мышецкого и дьяка Дружины Протопопова князю Григорию Семёновичу Куракину с сообщением об отправке разысканных беглых драгун и солдат в Великий Новгород на службу с новокрещеном Андреем Тахташевым с приложением именной росписи // К. 3. Д. 20 (о). Л. 28—32, 36, 89.
68. 1660, сентябрь. — Отписка воеводы князя Терентия Мышецкого и дьяка Дружины Протопопова князю Григорию Семёновичу

- [Куракину] о посылке в Новгород с Микитой Ижериным беглых солдат, объявившихся на Олонце в разных числах сентября 1660 г. // К. 3. Д. 20 (п). Л. 24—27.
69. 1661, сентябрь. — 1663, декабря 18. — Дело о разборе солдат на две «очереди», выдаче им жалованья и отправке на Олонец, а также о розыске беглых солдат, взыскании с них жалованья и высылке на службу // К. 4. Д. 72. Л. 1—104.
70. 1660, января 26. — Списки солдат разных погостов, поданные капитаном Кузьмой Миловановым // К. 3. Д. 20 (т). Л. 112—115, 116 с об.
71. 1660, марта 6. — декабря 10. — Поручные записи солдат, родственников беглых солдат и наймитов разных погостов Олонецкого уезда в том, что они, их родственники или наймиты пойдут на государственную службу в полк князя Ивана Андреевича Хованского // К. 3. Д. 76. Л. 1—172.
72. 1660, августа 22. — ноября 2. — Дело о розыске умерших и беглых солдат и драгун разных погостов Олонецкого уезда, а также об организации высылки солдат-«нетчиков» и новоприборных в полки // К. 3. Д. 83. Л. 1—61.
73. 1660, августа 28—30. — Отписка воеводы Терентия Мышецкого князю Григорию Семеновичу Куракину о розыске беглых драгун и солдат и о высылке их на службу в Великий Новгород с новокрещенном Григорием Камаевым сыном Мамаевым с приложением списков посланных и отправленных вслед // К. 3. Д. 20 (н). Л. 80—88.
74. 1660, ноября 23. — Память подьячему Ивану Черкасову о посылке его в Шуйский, Кижский, Шунгский, Выгозерский погосты, Великогубский конец и Кузарандскую волости для сыска беглых и нетчиков и их доставке в город Олонец // К. 4. Д. 5. Л. 1—4.
75. 1660, декабря 12—13. — Дело о разделе общего имущества между вдовой Великогубского конца Спасского Кижского погоста Евдокеицей Даниловой и братьями ее умершего мужа // К. 4. Д. 7. Л. 1—14.
76. 1661, марта 15. — Челобитная жителя Великогубского конца Спасского Кижского погоста Бориски Деева сына Гостева с жалобой на захребетника Рождественского Мегорского погоста Ивашку Васильева с сыном Фролом и солдат того же погоста Трофима Шумилина и других (всего 3 имени), которые не отдают баркас со всей снастью, оставленный челобитчиком на время государственной службы в литовской и немецкой землях // К. 4. Д. 28. Л. 1 с об.

77. 1661, июля 7. — Допросные речи старосты Фёдора Игнатьева исаца, ответчика и свидетелей по челобитной Кижского погоста солдата Игнашки Симанова по делу о заемном овсе // К. 4. Д. 63. Л. 3—4 с об.
78. 1661, сентябрь. — Дело о поручительстве жителей Великогубского конца Спасского Кижского погоста за солдат того же погоста по требованию олонецких стрельцов Елесия Дорофиева и Харитона Петрова // К. 4. Д. 77 (2). Л. 1—23.
79. 1661, после октября 14. — Челобитная олонецкого воеводы князя Терентия Васильевича Мышецкого и дьяка Дружины Ивановича Протопопова с разъяснениями о том, что они не допускали «понаровки» в сыске в Олонецком уезде беглых солдат, как о том доложил царю в своей отписке князь и воевода Борис Александрович Репнин с товарищами и указанием действительных причин промедления в высылке беглых на государеву службу // К. 4. Д. 77. Л. 1—20.
80. 1661, декабря 5 — 1662, марта 24. — Дело по челобитной солдат Кижского погоста Сунской волости Манылки Тимофеева и Федки Семёнова на посадского Ивана Омельянова, вымучившего у них деньги // К. 4. Д. 10. Л. 1—17 с об.
81. [1662]. — Отписка в Великий Новгород о посылке в Заонежские погосты новокрещенов Харлама Мевкелева и Петра Зенебякова для розыска беглых солдат // К. 4. Д. 73. Л. 2, 3 об.
82. 1662, после октября 6. — Отписка Андрея Гавриловича Измайлова воеводе Терентию Мышецкому об отправке с десятником Савкой Игнатьевым сысканных в Олонецком погосте солдат, отправленных на Олонец для получения жалования и высылки на стрелецкую службу в «первую очередь» в Великий Новгород, с приложением списка имен // К. 3. Д. 16 (д). Л. 1—4.
83. 1662, ноября 6. — Отписка воеводы князя Терентия Мышецкого и дьяка Дружины Протопопова царю Алексею Михайловичу о результатах сыска беглых солдат с оправданиями от обвинения в потакании беглым и бездействии // К. 3. Д. 16 (к). Л. 1—10. К. 3. Д. 16к. Л. 1—13.
84. 1662, декабря 22. — Память новокрещену Харламу Мевкелеву с товарищами о сыске и доставке беглых солдат во главе с их зачинщиком Гаврилкой Остафьевым в город Олонец // К. 4. Д. 74. Л. 1, 2 об, 3 об.
85. 1663, январь. — Отписка о воровстве, которое совершил дьякон [Шунгского погоста] Фёдор Фёдоров // К. 4. Д. 83. Л. 1.
86. 1663, не ранее января 30. — Отписка Семену Кураповичу от князя Терентия Васильевича Мышецкого и дьяка Дружины Ивановича

- Протопопова о посылке шести солдат на службу в Великий Новгород и имена солдат Кижского конца с кормом // К. 4. Д. 78. Л. 1об., 2об.
87. 1663, май. — Сказка священника Василия Никитина по челобитью Филки Максимова о том, что Василий бил его и разорял межи // К. 4. Д. 88. Л. 2 с об.
88. 1663, июня 19. — августа 12. — Дело об отводе земельного участка корельскому выходцу Куземке Левонтьеву в Олонецком погосте // К. 4. Д. 91. Л. 1—19.
89. 1663/64. — Челобитная охудалого увечного крестьянина Олонецкого погоста Кинелахтинской волости, живущего близ дороги на Олонец, Ивашки Лаврентиева с просьбой повелеть солдатским сыщикам и стрельцам не привлекать его для сыска нетчиков, не препятствовать сбору и перевозке дров и сена, а также не брать с него денег и корма // К. 4. Д. 98. Л. 3 с об.
90. 1663/64. — Челобитная драгунов Олонецкого погоста Крошнозерской волости Матюшки и Верхломейки Яковлевых на солдатских высылщиков, новокрещен, стрельцов и пушкарей, которые взыскивают с их двора, стоящего недалеко от Большой Ямской дороги, подводы и корм, а брата [Сергия], выписанного из солдат в захребетники, привлекают к сыску // К. 4. Д. 109. Л. 7 с об.
91. 1664, марта 1. — Челобитная крестьянина Кижского погоста Великогубского конца Лижемской волости Ивашки Иванова на крестьянина той же волости Алфимка Афонасьева, у которого он видел шапку, украденную у Ивашки вместе с остальным имуществом из полевого амбара и дворовой клетки около 27 мая 1660 г., о чем у старосты Тимофея Григорьева есть запись // К. 5. Д. 53. Л. 6, 8.
92. 1664, марта 18. — Челобитная солдата Никольского Шунгского погоста Филки Аввакумова с жалобой на церковного дьячка погоста Сидорку Поздеева и других (всего 4 имени), которые не возвращают «наемные» деньги, полученные монастырским служкой-«наймитом» Агафонкой Емельяновым, согласно условиям порученной записи // К. 4. Д. 98 (6). Л. 6 с об.
93. 1664, марта 23. — Челобитная крестьянина Шунгского погоста деревни Карпин-наволока Гаврилы Афанасьева на крестьянина того же погоста Якова Мартемьянова и других, укравших у него жеребца, корову, шубу и другое имущество // К. 5. Д. 75. Л. 1.
94. 1664, марта 24. — Челобитная охудалого крестьянина Кижского погоста Великогубского конца Космозерской волости Трифона Филиппова на бывшего (1662/63 г.) старосту Великогубского конца

- Тимофея Григорьева, который подговорил солдата той же волости Савелия Яковлева и других подать на него ложную челобитную, будто он пахал и засеял их ниву, и он же, взяв с собой тринадцать человек, избил его и вымучил у него повинную с записью о том, что он насильно пахал их землю, и две кабалы (без конца) // К. 5. Д. 80. Л. 1.
95. 1664, мая 14. — Челобитная крестьянина Кижского погоста Великогубского конца Лижемской деревни Анкудинки Григорьева на своего двоюродного брата Ивана Иванова с его племянниками, которые завладели его деревенским участком со всеми угодьями и изгоняют его с сыном, солдатом Калинкой, о чем он уже подавал челобитную старосте Тимофею Григорьеву, который никакого указа по делу не дал // К. 5. Д. 129. Л. 1.
96. 1664, июня 14—24. — Дело об избиении жены и сына солдата Лижемской волости Спасского Кижского погоста Анкудинки Григорьева солдатами той же волости Ильюшкой и Якушкой Еупловыми // К. 5. Д. 156. Л. 1—2.
97. 1664, июня 23. — Челобитная солдата Кижского погоста Великогубского конца Лижемской волости Анкудинки Григорьева на крестьян той же волости Калинку Еуплова и Ивашку Иванова, которые в прошлые годы построили вместе с отцом челобитчика мельницу, а теперь захватили треть, принадлежащую челобитчику // К. 5. Д. 155. Л. 1.
98. 1668, апреля 13. — Отписка жителей Рождественского Мегорского погоста Викулки Иванова, Алёшки Самсонова и Амелки Мелентьева воеводе Замятне Леонтьеву об отказе солдата Петрушки Жданкова, сбежавшего со службы, отвечать по иску солдата Игнашки Фёдорова сына Шумкова, вместо которого он был послан на службу и получил годовое жалованье // К. 6. Д. 82. Л. 1 с об.
99. 1676, ноября 7. — Челобитная крестьянина Лижемской волости Спасского Кижского погоста Калины Анкудинова с жалобой на крестьян разных волостей того же погоста Ждана Омельянова и других (всего 62 имени), которые обвинили его в «миропродавстве и ябедничестве» и отказались приехать на очную ставку на Олонец // К. 8. Д. 21. Л. 1—2.

**КОЛЛЕКЦИЯ 2. КОЛЛЕКЦИЯ АКТОВЫХ КНИГ
АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ**

100. 1660/61—1663/64. — Актные книги // Оп. 1. Д. 28. 311 л. с об.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ***Ф. 137: Боярские и городовые книги***

101. 1649/50—1650/51. — Олонца города сметный список, окладным и неокладным всяким денежным доходам и сборам, и сколько сих денег издержано // Оп. 1. Олонец. Д. 2. 63 л.
102. 1651/52—1652/53. — Олонца города сметные списки окладных и неокладных денежных доходов и расходов // Оп. 1. Олонец. Д. 3. 46 л.
103. 1653/54—1661/62. — Олонца города сметные списки окладных и неокладных денежных доходов и расходов // Оп. 1. Олонец. Д. 4. 259 л.
104. 1662/63—1667/68. — Олонца города сметный список о зборе окладных и неокладных таможенных и кабацких денежных доходов и расходы из оных // Оп. 1. Олонец. Д. 6. 573 л.
105. 1657. — Переписные книги солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов Ивана Семёновича Дивова 1657 г. // Оп. 1. Олонец. Кн. 5. 1130 л. с об.

Ф. 141: Приказные дела старых лет

106. 1649. — Дело о наборе из Заонежских погостов крестьян для солдатских драгунских полков Александра Гаменты да Мартина Кармихела // 1649. Д. 29. 368 л.
107. 1652. — Дела по челобитьям разных служилых иноземцев, просящих о государевом жалованье // 1652. Д. 79. 732 л.
108. 1654. — Дело 1) О выдаче всех чинов военнотружущим иностраннм людям жалованья и месячного корма; 2) О комплектовании полков и о высылке оных на стражение против Литвы; 3) О посылке в Олонец воеводою на место Василья Чоголокова столника Петра Пушкина и с ним в товарищах Гдовского воеводу Степана Елагина, а во Гдов воеводою Степана Нащокина // 1654. Д. 100. 517 л.
109. 1657. — Дело о сыску олонецких беглых драгун и солдат, отписки и отпуски грамотам из приказу Тайных дел // 1657. Д. 1. 121 л.
110. 1658 г., февраль. — Сыскное дело по обвинению капитана князя Андрея Афанасьевича Вяземского в том, что он брал посуды и поминки с солдат Горской волости Олонецкого уезда // 1626. Д. 7. Л. 1—7.
111. 1659. — Дело о выдаче Олонецким и Заонежским начальным людям казакам и солдатам государевого хлебного и денежного жалованья. Тут же и другие разные воинские дела разных городов солдатам // 1659. Д. 19. 694 л.

Ф. 210: Разрядный приказ

112. 1658. — Книги по допросу и сыску дворянина Сергея Малово да подьячего Дружины Протопопова на Олонце и в Заонежских и в Лопских погостах по челобитью, и по сказкам, и по росписям на ком сколько посульных денег и за какой грабеж доправлено или доправить довелось, и для чего те деньги не доправлены // Оп. 7а. Д. 53. Дела разных городов. По г. Олонцу: Л. 759—807об.

Ф. 1209: Поместный приказ

113. 1646. — Переписная книга Заонежских погостов Ивана Писемского, Лариона Сумина и подьячего Якова Еуфимьева // Оп. 1. Кн. 980. 577 л.
114. 1678. — Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда Ивана Александровича Аничкова, Ивана Никифоровича Аничкова и подьячего Ивана Венякова // Оп. 1. Кн. 1137. Ч. 1. 186 л.; Ч. 2. 427 л.

Л и т е р а т у р а**Научная**

115. *Бобровский, П. О.* Переход России к регулярной армии / П. О. Бобровский. — Санкт-Петербург : Тип. В. С. Балашева, 1885. — 215 с.
116. *Богословский, М. М.* Земское самоуправление на Руском Севере в XVII в. / М. М. Богословский. — Т. 1 : Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. — Москва : Синодальная типография, 1909. — 321 с.
117. *Бородин, А. В.* Иноземцы — ратные люди на службе в Московском государстве / А. В. Бородин. — Петроград, 1916. — 19 с.
118. *Демидова, Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. — Москва : Наука, 1987. — 225 с.
119. *Жербин, А. С.* Переселение карел в Россию в XVII в. / А. С. Жербин ; под ред. А. Г. Манькова. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1956. — 79 с.
120. *Жуков, А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород : НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2003. — 256 с.
121. *Жуков, А. Ю.* Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы / А. Ю. Жуков // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — С. 91—98.

122. *Калинычев, Ф. И.* Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века / Ф. И. Калинычев. — Москва : Гос. изд-во юридической литературы, 1954. — 170 с.
123. *Капустин, С. Я.* Древнее русское поручительство / С. Я. Капустин. — Казань : Изд-во книгопродавца Ивана Дубровина, 1855. — 62 с.
124. *Коваленко, Г. М.* Карелия в русско-шведской войне 1656—1658 гг. : препр. докл. на Учен. совете Ин-та яз., лит. и истории 29 июня 1978 г. — Петрозаводск : КФ АН СССР, 1978. — 76 с.
125. *Курбатов, О. А.* «Литовский поход 7168 года» князя И. А. Хованского и битва при Полонке / О. А. Курбатов // Славяноведение. — 2003. — № 4. — С. 25—40.
126. *Курбатов, О. А.* «Чудо архангела Михаила»: Документы о походе Новгородского полка на Брест и битве при Верховичах. 1655 г. / О. А. Курбатов // Исторический архив. — 2005. — № 3. — Электрон. версия. — URL: www.vostlit.info/Texts/Documenty/Russ/XVII/1640-1660/Pochod_Novg_polka_1655/text1.htm (05.09.2015).
127. *Курбатов, О. А.* С. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656—1658 гг. / О. А. Курбатов // Архив русской истории : сб. рос. гос. архива древних актов ; отв. ред. С. С. Ермолаев ; сост. А. В. Антонов. — Москва : Древлехранилище, 2007. — Вып. 8. — С. 157—195.
128. *Курбатов, О. А.* Писано кровью: к истории правил техники безопасности по обращению с огнестрельным оружием в середине XVII века / О. А. Курбатов // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. 1. — С. 233—257. — Электрон. версия. — URL: <http://www.milhist.info/2012/05/04/kyrbatov> (05.09.2015).
129. *Малов, А. В.* Конница нового строя в русской армии в 1630—1680-е годы / А. В. Малов // Отечественная история. — 2006. — № 1. — С. 118—131.
130. *Малов, А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656—1671 гг. / А. В. Малов. — Москва : Древлехранилище, 2006. — 624 с.
131. *Малов, А. В.* Русско-польская война 1654—1667 гг. — Москва : Цейхгауз, 2006. — 48 с.
132. *Мюллер, Р. Б.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. / Р. Б. Мюллер ; под ред. А. И. Андреева. — Петрозаводск : Гос. изд-во КФССР, 1947. — 176 с.
133. *Новосельский, А. А.* Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте /

- А. А. Новосельский // Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). — Москва : Наука, 1994. — С. 117—135.
134. *Ноздрин, О. Я.* Воин, инженер, предприниматель. Дела и служба Александра Крофорда в Московском государстве / О. Я. Ноздрин // Война и оружие: новые исследования и материалы : труды Третьей междунаро. научно-практ. конф. 16—18 мая 2012 г. — Санкт-Петербург, 2012. — Ч. II. — С. 434—440.
135. *Орленко, С. П.* Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII в. / С. П. Орленко // Вопросы истории. — 2000. — № 6. — С. 137—141.
136. *Орленко, С. П.* «Немцы» и московское правительство в XVII веке / С. П. Орленко // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. — Москва, 2001. — Вып. 4. — С. 15—26.
137. *Орленко, С. П.* Выходцы из стран Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение / С. П. Орленко. — Москва : Древлехранилище, 2004. — 341 с.
138. *Опарина, Т. А.* Иноземцы в России XVI—XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии / Т. А. Опарина. — Москва : Прогресс-Традиция, 2007. — 384 с.
139. *Островская, М. А.* Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках / М. А. Островская. — Санкт-Петербург : Тип. гл. управления уделов, 1913. — 496 с.
140. *Рыжков, А. С.* Офицер — иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе [Электронный ресурс] / А. С. Рыжков. — Электрон. ст. — [Россия], 2006. — URL: <http://illmik.petrso.ru/2006news3/Ryzhkov2.html>, свободный. — (Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. — 2006. — № 1—2) (05.09.2015).
141. *Рыжков, А. С.* Поручик Богдан Головин — организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века. [Электронный ресурс] / А. С. Рыжков. — Электрон. ст. — [Россия], 2006. — URL: <http://illmik.petrso.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>, свободный. — (Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК. — 2007. — № 1 (3)) (05.09.2015).
142. *Рыжков, А. С.* Опыт составления электронной базы данных по переписным книгам карельских пашенных солдат Ивана Дивова / А. С. Рыжков // Материалы XV Всероссийской науч. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX веков». К сто-

- летию со дня рождения П. А. Колесникова. — Москва : Древлехранилище, 2008. — С. 269—274.
143. *Седов, П. В.* Подношения в московских приказах XVII века / П. В. Седов // Отечественная история. — 1996. — № 1. — С. 139—150.
144. *Селин, А. А.* Просопографическая база данных «Новгородское общество начала XVII века» [Электронный ресурс]. URL: <http://nwaе.spbu.ru/?0-315>, свободный. (05.09.2015).
145. *Селин, А. А.* Обзор просопографических исследований 2000—2013 гг. / А. А. Селин // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы : материалы международного науч. семинара (Санкт-Петербургский кампус НИУ ВШЭ, 24—26 октября 2013 г.). — Санкт-Петербург : Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург, 2013. — С. 4—12.
146. *Старостина, Т. В.* Пашенные солдаты: К 450-летию русской регулярной армии / Т. В. Старостина // Военный вестник: Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах. — 2000. — № 7. — С. 3. [Приложение к газете «Карелия» № 47 (646). 21 июля 2000 г.].
147. *Суслова, Е. Д.* Конфликт братьев Маркеловых: опыт урегулирования спора о причетнической должности церковного дьячка в Кижском погосте в середине XVII века // Рябининские чтения — 2011 : материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 182—184.
148. *Суслова, Е. Д.* Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Евгения Дмитриевна Суслова ; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Петрозавод. гос. ун-т», каф. всеобщей истории. — Санкт-Петербург, 2012. — 31 с.
149. *Суслова, Е. Д.* Служители церкви в Карелии раннего нового времени: складывание династий [Электронный ресурс] / Е. Д. Суслова ; [науч. ред. И. А. Чернякова]. — Электрон. дан. [Россия], 2013. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. — 162 с. — URL: http://carelica.petrtsu.ru/CARELICA/Suslova_2.html, свободный. (05.09.2015).
150. *Усенко, О. Г.* Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста) / О. Г. Усенко // Иноземцы в России в XV—XVII веках : сб. материалов конф. 2002—2004 гг. — Москва : Древлехранилище, 2006. — С. 395—404.

151. *Чепель, А. И.* «Заставу учал было обходить лесом»: шведско-русское приграничье после Столбовского мира / А. И. Чепель // Новый исторический вестник. — 2010. — Т. 24. — № 2. — С. 43—50.
152. *Чернов, А. В.* Вооруженные силы Русского государства в XVI—XVII вв. / А. В. Чернов. — Москва : Воениздат, 1954. — 224 с.
153. *Чернякова, И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века / И. А. Чернякова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1998. — 295 с.
154. *Чернякова, И. А.* Опыт подготовки электронной публикации архивной коллекции «Олонецкая воеводская изба» в исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии / И. А. Чернякова // Рябининские чтения — 2011 : материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. — С. 196—199.
155. *Чернякова, И. А.* База данных, составленная по архивным документальным источникам массового характера, как способ историко-демографического исследования семьи и домохозяйства карельского крестьянства XIX века / И. А. Чернякова // Информационные технологии и письменное наследие : материалы IV международ. науч. конф. (Петрозаводск, 3—8 сентября 2012 г.). — Петрозаводск ; Ижевск, 2012. — С. 279—285.
156. *Швейковская, Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке / Е. Н. Швейковская. — Москва : Археографический центр, 1997. — 285 с.

Справочная

157. *Словарь русского языка XI—XVII вв.* — Вып. 4. — Москва : Наука, 1977.

Научное электронное издание

Брусницына Дарья Владимировна

**Крестьянское сообщество олонецкого уезда
(1649—1666):
новые явления в годы солдатской службы**

Редактор *О. В. Обарчук*
Художественный редактор *О. В. Черняков*
Компьютерная верстка,
оригинал-макет,
электронная версия
и оформление обложки *О. В. Черняков*

*В оформлении обложки диска
использован рисунок художника Олега Фёдорова*

Подписано к изготовлению 30.10.2016.

Систем. требования: РС, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше;
Windows, MAC OSX; 256 Мб; видеосистема: разрешение экрана 800х600
и выше; графический ускоритель (опционально); мышь или аналогичное
устройство

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
<https://petsu.ru>
Тел. (8142) 711 001

Изготовлено в Издательстве ПетрГУ
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

<http://press.petsu.ru/UNIPRESS/UNIPRESS.html>
Тел./Факс. (8142) 781 540

nvpahomova@yandex.ru

Брусницына, Дарья Владимировна.

Б892 Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649—1666): новые явления в годы солдатской службы [Электронный ресурс] / Д. В. Брусницына ; [науч. ред. И. А. Чернякова] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. — Электрон. дан. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2016. — 1 электрон. опт. диск (CD-R) ; 12 см. — Систем. требования: PC, MAC с процессором Intel 1,3 ГГц и выше ; Windows, MAC OSX ; 256 Мб ; Видеосистема: разрешение экрана 800x600 и выше ; графический ускоритель (опционально) ; мышь или аналогичное устройство. — Загл. с этикетки диска.

ISBN 978-5-8021-2893-0

В монографии изучено, как на протяжении 18 лет существования в Олонецком уезде службы пашенных солдат изменялась традиционная повседневная жизнь крестьянского сообщества. Особое внимание уделено анализу взаимоотношений пашенных солдат и других крестьян с иноземными и русскими офицерами, прибывшими в уезд для обучения местных жителей военному строю. Рассмотрен порядок организации отправки пашенных солдат «на дальние службы». Изучены бегство со службы в период русско-польской и русско-шведской войн и меры, предпринимавшиеся правительством и олонечскими воеводами для предотвращения побегов. Исследован новый социальный феномен — найм солдатами в своё место других людей за определённую плату, установлена численность наймитов, проанализированы условия найма, выявлен социальный и материальный статус наймитов и их нанимателей. Показано, к каким конфликтам и имущественным спорам приводило длительное, порой многолетнее, отсутствие солдат дома.

Монография будет полезна специалистам по истории XVII в., а также краеведам и широкому кругу людей, желающих получить более полное представление о повседневной жизни крестьян Олонецкого уезда в годы военной службы.

УДК 94(470.22)''16''
ББК 63.3(2Р31-6Кар)

© Брусницына Д. В., 2016
© Петрозаводский государственный университет, 2016

ISBN 978-5-8021-2893-0